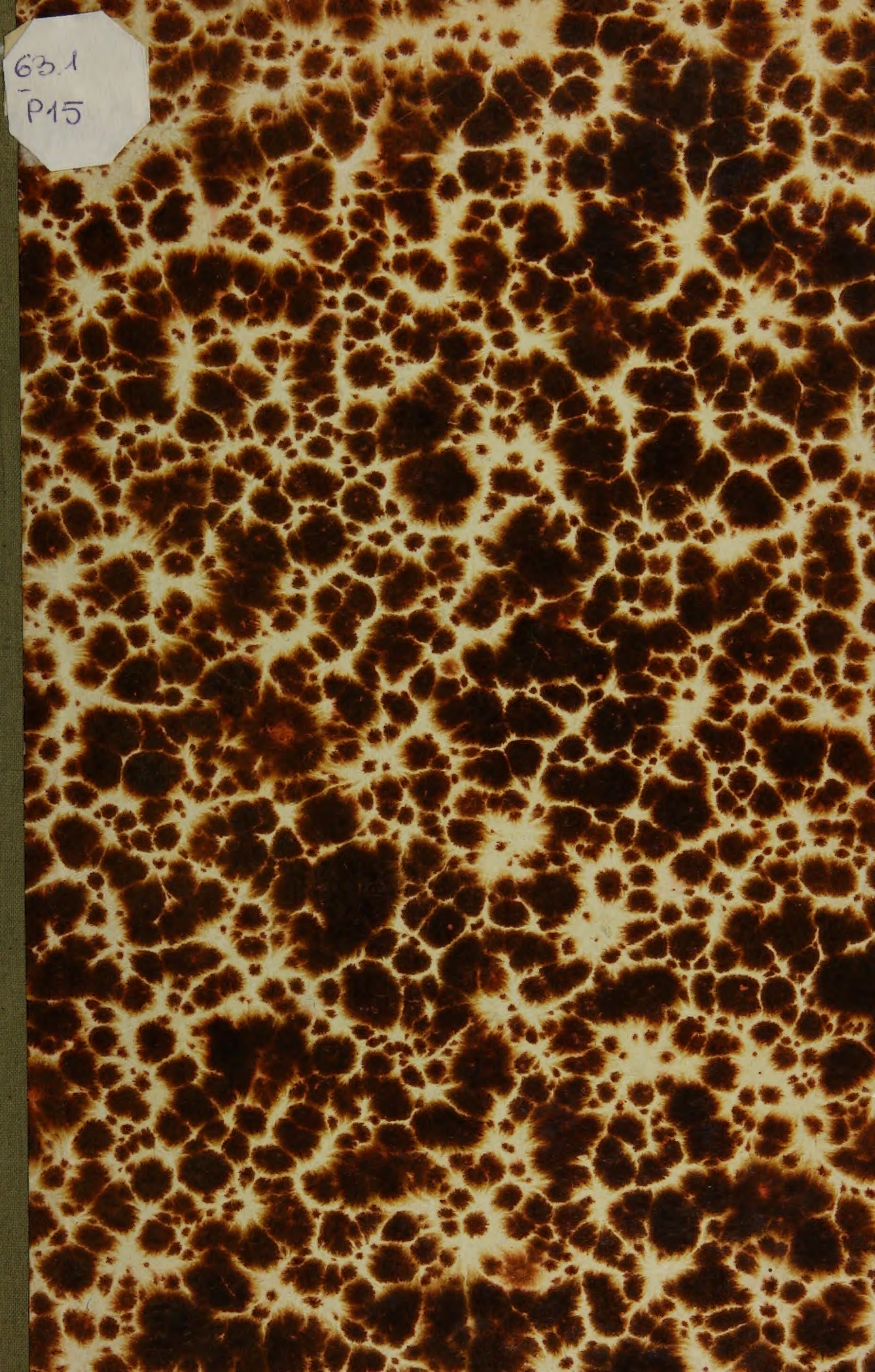

КО ДНЮ

СЕМИДЕСЯТИЛѢТІЯ

ВАСИЛІЯ ВАСИЛЬЕВИЧА

РАДЛОВА

5 Января 1907 года.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1907.

КО ДНЮ

СЕМИДЕСЯТИЛѢТІЯ

ВАСИЛІЯ ВАСИЛЬЕВИЧА

РАДЛОВА

5 Января 1907 года.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1907.

№136

ТРУДЫ

В. В. РАДЛОВА

ВЪ

ХРОНОЛОГИЧЕСКОМЪ ПОРЯДКѢ.

RADLOFF'S

DRUCKSCHRIFTEN

IN

CHRONOLOGISCHER ORDNUNG.

Radloff's Druckschriften.

1860—63.

Briefe aus dem Altai. (Hierzu eine Tafel). 1—3. ~ Archiv f. wiss. Kunde v. Russland (Erman) XX (1861) p. 556—597. —4.5. ~ ibid. XXI (1862) p. 179—223.—6.7. ~ ibid. p. 641—662.—7-9. (Hierzu zwei Tafeln). ~ ibid. XXII (1863) p. 1—46. [1

G. Helmersen. Bemerkungen zu Herrn Radloffs Briefen aus dem Altai. ~ ibid. XXIV (1865) p. 515—526.

Vgl. Petermann's Mitthlgn. 1861 p. 447, 1862 p. 196. 1863 p. 160. 193.

1863.

Kurzer Bericht über eine auf Kosten des Kabinets Sr. Kaiserl. Majestät unternommene Reise in den Altai im Sommer des Jahres 1861. (Lu le 12 déc. 1862.) ~ Bull. de l'Acad. V (1863) p. 534—537 = Mélanges russes VI,3 (1863) p. 333—338. [2

Petermann's Mitthlg. 1863 p. 235—237.

Kurzer Bericht über eine im Sommer 1862 unternommene Reise in die östliche Kirgisen-Steppe. (Lu le 28 août 1863.) ~ Bull. de l'Acad. VI (1863) p. 415—420 = Mél. russes IV,3 (1863) p. 368—372. [3

Observations sur les Kirghis. ~ Journ. Asiat.[6] II (1863) p. 309—328. [4

Cf. ibid. I (1863) p. 531—2. IV (1864) p. 80.

1864.

Beobachtungen über die Kirgisen. ~ Petermann's Mitthlgn. 1864 p. 163—168. [5

5 I

1865.

Bericht über eine im Sommer 1863 unternommene Reise in den östlichen Altai. (Lu le 25 août 1864.) ~ Bull. de l'Acad. VIII (1865) p. 25—32 = Mél. russes IV,4 (1865) p. 453—462. [6

Reise durch den Altai nach dem Telezker See und dem Abakan. ~ Erman's Archiv XXIII (1865) p. 1—55. 218—316. [7

Ueber die Formen der gebundenen Rede bei den Altaischen Tataren. ~ Zts. f. Völkerpsychologie u. Sprachw. IV (1866) p. 85—114. [8

1866.

Das Ili-Thal in Hoch-Asien und seine Bewohner. (Mit Karte, s. Tafel 5). ~ Petermann's Mitthlgn. 1866 p. 68—97. 250—264. [9

Нарѣчія тюркскихъ племенъ, живущихъ въ Южной Сибири и Дзунгарской степи. I отдѣленіе: Образцы народной литературы. — Die Sprachen der türkischen Stämme Süd-Sibiriens und der Dsungarischen Steppe. I. Abtheilung: Proben der Volkslitteratur.

Etiam sub titulo:

Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ, живущихъ въ Южной Сибири и Дзунгарской степи, собраны В. В. Радловымъ. Часть 1: Поднарѣчія Алтая: Алтайцевъ, Телеутовъ, Черновыхъ и Лебединскихъ татаръ, Шорцевъ и Саянцевъ. — Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens, gesammelt und übersetzt von Dr. W. Radloff. I. Theil: Die Dialecte des eigentlichen Altai: der Altaier, Teleuten, Lebed-Tataren, Schoren und Sojonen. *[Text. Impr. 15. IV. 1866.]* Спб., Ак. 1866. pp. XXIV *[Предисловіе. Vorwort]* + I + 420. gr. 8⁰. [10

Ч. II. 1868, III. 1870, IV. 1872, V. 1885, VI. 1886, VII. 1896, VIII. 1899, (IX noch nicht erschienen), X. 1904.

— — *idem [nur mit deutschem Titel].* Übersetzung. *[Impr. 15. VI. 1866.]* St. P., Ak. 1866. pp. XVI *[Vorwort von A. Schiefner 25. V/6. VI. 1866.]* + I + 434. gr. 8⁰. *[11*

Th. II. 1868, III. 1870, IV. 1872, V. 1885, VI. 1886, [X. 1904, на русскомъ языкѣ].

Rec. **Rho. K**[**öhler**] ~ Lit. Centralbl. 1867 p. 634—636.

F. Liebrecht ~ Gött. Gel. Anz. 1868 p. 105—117.

Томскія губ. вѣдомости № 18—20. 22. 23. [Межовъ Лит. 1874, № 4813].

Dazu: Алфавитный указатель собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ первомъ томѣ Образцовъ народной литературы тюркскихъ племенъ собранныхъ В. В. Радловымъ. Составилъ **Н. Ѳ. Катановъ.** (Представл. 22 сент. 1887 г.) Спб., Ак. 1888. pp. I + 34 + 1. gr. 8⁰.

1867.

Анализъ болгарскихъ числительныхъ именъ. [„Барнаулъ 10. II. 1867“.] — pp. 138—146 ~ *in:* *[12*

[А. Куникъ и бар. В. Розенъ. Извѣстія ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ. ч. I. Спб. 1878. 8⁰. ~ Зап. И. Акад. Н. XXXII. Прил. № 2.]

1868.

Нарѣчія и т. д. I отд. ч. II. = Образцы и т. д. Часть II. Поднарѣчія Абаканскія (Сагайское, Койбальское, Качинское), Кызылское и Чулымское (Кюэрикъ). — Die Sprachen u. s. w. I. Abth. II. Th. = Proben u. s. w. II. Theil. Die Abakan-Dialecte (der Sagaische, Koibalische, Katschinzische), der Kysyl-Dialect und der Tscholym-Dialect (Küärik). *[Text. Impr. 23. I. 1868.]* Спб., Ак. 1868. pp. XXI *[Предисловіе. Vorwort]* + 712. gr. 8⁰. *[13*

— — *idem.* Übersetzung. II. Theil. *[Impr. 23. I. 1868.]* St. P., Ak. 1868. pp. XII *[Vorwort von A. Schiefner 12 (24). III. 1868.]* + I + 720 + 1. gr. 8⁰. *[14*

Rec. **Rho. Kö**[**hler**] ~ Lit. Centralbl. 1869 p. 73—74.

F. Liebrecht ~ Gött. Gel. Anz. 1868 p. 1653—63.

über I u. II: B. Jülg ~ Zts. d. Deutschen Mgld. Ges. XXIII (1869), p. 321—326.

Dazu: Алфавитный указатель собственныхъ именъ, встрѣчающихся во второмъ томѣ Образцовъ .... Составилъ **Н. Ѳ. Катановъ.** (Представл. 22 сент. 1887 г.). Спб., Ак. 1888. pp. IV + 84. gr. 8⁰.

Письма г. Радлова въ Географическое общество, во время поѣздки въ Туркестанскій край. ~ Извѣстія И. Р. Геогр. Общ. VI (1868) отд. II, стр. 324—327. *[15*

Cf. ibid. отд. I, стр. 24.

Средняя Зеравшанская долина. [„Въ концѣ 1868 г.“] ~ Записки И. Р. Геогр. Общ. По отдѣленію этнографіи. VI (1880) p. 1—92. [Съ картою.] *[16*

Das mittlere Serafschanthal. (Hierzu eine Karte, Taf. V). ~ Zts. d. Ges. f. Erdkunde zu Berlin VI (1871) p. 401—439. 497—526. *[17*

„Dieser Aufsatz war schon im Winter 1868 beendigt worden“. Vgl. Petermann's Mitthlgn. 1872 p. 235.

1870.

Краткій отчетъ о поѣздкѣ въ Семирѣченскую область и Иссыкъ-куль лѣтомъ 1869 г. ~ Изв. И. Р. Геогр. Общ. VI (1870) p. 96—100. *[18*

Cf. ibid. V (1869) p. 316. Отчетъ И. Р. Г. О. за 1870 г., стр. 27.

Торговыя сношенія Россіи съ западной Монголіей и ихъ будущность. [„Барнаулъ, ноября 1870 г.“]. ~ Записки И. Р. Г. О. По отдѣленію статистики. II (1871) p. 593—637. *[19*

Нарѣчія и т. д. I отд. ч. III. = Образцы и т. д. Часть III. Киргизское нарѣчіе. — Die Sprachen u. s. w. I. Abth. III. Th. = Proben u. s. w. III. Theil. Kirgisische Mundarten. *[Text. Impr. III. 1870.]* Спб., Ак. 1870. pp. XXVI *[Предисловіе]* + 776. gr. 8⁰. *[20*

— — *idem.* Übersetzung. III. Theil. *[Impr. III. 1870.]* St. P., Ak. 1830. pp. XXVII + 856. gr. 8⁰. *[21*

Rec. **Rho. Kö[hler]** ~ Lit. Centralbl. 1870 p. 1397—9.

1872.

Skizzen aus Sibirien. ~ Kölnische Ztg. 18. u. 30. Jan. 1872. *[22*

Очерки Сибири. ~ Новое Время 1874 (?) № 2. *[23*

Межовъ. Литература русской геогр. и т. д. за 1876 г. т. IV, 2 № 516.

Учебникъ нѣмецкаго языка по методѣ Лувье. Элементарный курсъ. Годы первый и второй. Спб. 1872. 8⁰. *[напечатано 5000 экз.].*

Dazu: Указанія для учителя при употребленіи этаго учебника. *[24*

Межовъ, Русск. Истор. Библіогр. VI nº 64.998.

Нарѣчія и т. д. I. отд. ч. IV. = Образцы и т. д. Часть IV. Нарѣчія Барабинцевъ, Тарскихъ, Тобольскихъ и Тюменскихъ татаръ.—Die Sprachen u. s. w. I. Abth. IV. Th. = Proben u. s. w. IV. Theil. Die Mundarten der Barabiner, Taraer, Toboler und Tümenischer Tataren. *[Text. Impr. III. 1872]* Спб., Ак. 1872. pp. XV *[Предисловіе]* + I + 411. gr. 8⁰. *[25*

— — *idem.* Übersetzung. IV. Theil. *[Impr. III. 1872]* St. P., Ak. 1872. pp. XVI *[Vorwort]* + I + 512. gr. 8⁰. *[26*

Rec. **A. Pavet de Courteille** ~ Journ. asiat. IV (1874) p. 259—295.
Н. Н. Вакуловскій ~ Русскій Міръ 1872 № 326.
M. B. ~ Mag. f. d. Lit. d. Auslandes LXXXI (1872) p. 528—9.
über Th. I—IV: **F. Liebrecht.** Translations from the popular literature of the Turkish races in Siberia und the Steppes. ~ Academy III (1872) p. 421—423.

بليك ، بالالار اوقور اوچون چيغارلغان كتاب — قزان اونيويرسيتيت تيپوغرافيه‌سنك باصلدى ١٨٧٢
[Impr. Kazan 31. V. 1872.] pp. ١٣٢ gr. 8⁰. *[27*

1873.

Грамматика русскаго языка, составленная для татаръ восточной Россіи. Ч. 1. Казань 1873. 8⁰ *[напечатано 600 экз.].* *[28*

Rec. **П. Ильминскій** ~ Журн. Мин. Нар. Просв. 1873, ч. 167, № 6, стр. 370—4.

B. Смирновъ ~ ibid. 1874, ч. 189, № 1, стр. 1—25.
Межовъ, Р. Ист. Библ. IV n⁰ 44.692.

Nachrichten über den Aufstand in der Iliprovinz in den Jahren 1863—1866. ~ Russ. Revue II (1873) p. 209—230. [29

1882.

Die Lautalternation und ihre Bedeutung für die Sprachentwickelung, belegt durch Beispiele aus den Türksprachen. ~ Verhdlgn. des V-ten internat. Orientalisten-Congresses gehalten zu Berlin im Sept. 1881. II,2 (Berl. 1882). IV. Ostasiat. Section, pp. 54—70. [30

Die alten Gräber in Sibirien. [Vortrag vom 17. VI. 1882.] ~ Zts. f. Ethnol. XIV (1882) p. 430—432. [31

Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen. I. Theil: Phonetik der nördlichen Türksprachen. 1. Heft: Vocale. Lpz., T. O. Weigel 1882. pp. XX+99. gr. 8⁰.

1883.

— — Anderes Heft: Consonanten. ibid. 1883. pp. XXI—XLV+101—318. *Etiam sub titulo:* [32

Phonetik der nördlichen Türksprachen. Lpz. 1883.

Rec. B. Смирновъ ~ Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 ч. 236, отд. II, стр. 76—106.

F. Techmer ~ Internat. Zts. f. allg. Sprachwiss. I p. 481—4.

Ethnographische Uebersicht der Türkstämme Sibiriens und der Mongolei. [Aus „Vergleich. Grammatik der nördl. Türksprachen".] ibid. 1883. pp. 29. gr. 8⁰. [33

Vgl. Petermann's Mitthlgn. 1883 p. 461.

— *Übersetzung:*

Этнографическій обзоръ тюркскихъ племенъ Южной Сибири и Джунгаріи. Переводъ съ нѣмецкаго. Томскъ. 1888.

Rec. Ed. Sachau ~ Vhdlgn. d. Ges. f. Erdkunde, Berl. XI (1884), p. 61—64.

Virchow ~ Zts. f. Ethnol. XVI (1884) p. 101.

Tijdschr. v. h. Nederl. Aardrijksk. Gen., ser. 2 d. I, Versl. p. 228 f.

1884.

Lesen und Lesenlernen. ~ Intern. Zts. f. allg. Sprachwiss. I,2 (1884) p. 355—76. [34

Aus Sibirien. Lose Blätter aus dem Tagebuche eines reisenden Linguisten. I. Band mit farbigem Titelbilde und 15 Illustrationstafeln. II. Band mit einer Karte und 16 Illustrationstafeln. Leipzig, Weigel. 1884. pp. VI+536 und II+488. 8⁰. [35

Die zweite (Titel)-Ausg. erschien 1893, s. № 70.
Rec. **Kirchhoff** ~ Petermann's Mitthlgn. 1885 p. 148—9 (№ 134).
W. Tomaschek ~ Deutsche Lit: ztg. VI (1885) p. 687—8.
G. Gerland ~ Geogr. Jahrb. XI (1887) p. 477—8.
Proc. R. Geogr. Soc. N. S. VII (1885) p. 196.
Ausland 1885 p. 360.

Übersetzung des 7-ten Capitels von **гр. А. Бобринской.**

Сибирскія древности. Изъ путевыхъ замѣтокъ В. В. Радлова. (Переводъ съ нѣмецкаго). ~ Зап. И. Р. Ахеол. Общ. VII (1895) p. 147—216. tab. XXI—XXXI.

Danach: Ein Handelsbild aus Mittelasien. ~ Ausland 1885 p. 241—244. 266—269.
Hochzeitsbräuche im Altai. ~ Globus XLVII (1885) p. 301—2.
R. N. Cust. The languages spoken in the Zarafschan valley in Russian Turkestan. ~ Journ. R. Asiat. Soc. N. S. XX (1888) p. 413—418.
K. Budde. Erläuterungen zum Alten Testament aus dem Leben der Türkvölker, nach W. Radloff mitgetheilt. ~ Zts. d. Dts. Palaestina-Vereins XVIII (1895) p. 91—99.

О языкѣ Кумановъ по поводу изданія Куманскаго словаря. (Читано 13 сент. 1883 г.). ~ Записки Имп. Акад. Н. XXVIII. Прил. № 4. Спб. 1884. pp. 53. 8⁰. [36

Zur Sprache der Komanen. ~ Intern. Zts. f. allg. Sprachw. I (1884) p. 377—382. II (1885) p. 13—42. [37

1885.

Нарѣчія сѣверныхъ тюркскихъ племенъ. I Отдѣленіе. Образцы народной литературы. Часть V. — Die Sprachen der nördlichen türkischen Stämme. I. Abtheilung. Proben der Volkslitteratur. V. Theil. *Etiam sub titulo:*

Образцы народной литературы сѣверныхъ тюркскихъ племенъ. Собраны В. В. Радловымъ. Часть V. Нарѣчіе Дикокаменныхъ Киргизовъ. — Proben der Volkslitteratur der nördlichen türkischen Stämme gesammelt und übersetzt. von Dr. W. Radloff. V. Theil. Dialect der Kara-Kirgisen. *[Text. Impr. XII. 1885].* Спб., Ак. 1885. pp. V + XXVI *[Предисловіе]* + 599. gr. 8⁰. [38

— — *idem.* Übersetzung. *[Impr. XII. 1885].* St. P., Ak. 1885. pp. V + XXVIII *[Vorwort]* + 603. gr. 8⁰. [39

Rec. **В. Р[озенъ]** ~ Зап. Вост. Отд. И. Р. Археол. Общ. I (1887) p. 230—236.
Pavet de Courteille ~ Journ. asiat.[8] X (1887) p. 350—362.
Techmer ~ Internat. Zts. f. allg. Sprachwiss. III (1887) p. 365.
E. Kuhn ~ Lit:bl. f. orient. Philol. III (1885—87) p. 113*—116*.
Barbier de Meynard ~ Comptes-rendus de l'Acad. des inscr. XV (1887) p. 318 suiv.

1886.

Bericht über die Ausgabe des Sprachmaterials des Codex Comanicus. (Lu le 25. II/9. III. 1886). ~ Bull. de l'Acad. XXX (1886) p. 121—124 = Mél. Asiat. IX,2 (1886) p. 87—92. [40

Vorbemerkung *[pp. 138 = 97—99] ~ zu:* [41

[Castrén's Koibalisch-Deutsches Wörterverzeichniss und Sprachproben des Koibalischen Dialectes. Neu transscribirt von **N. Katanoff.** (Lu le 11/23. III. 1886). ~ Bull. de l'Acad. XXXI (1886) p. 138—213 = Mél. Asiat. IX,2 (1886) p. 97—209.]

Bericht über die Kurdischen Sprachsammlungen des Prof. Albert Socin. (Lu le 1/13. IV. 1886). ~ Bull. de l'Acad. XXX (1886) pp. 523—525 = Mél. Asiat. IX,2 (1886) p. 93—96. [42

Cf. **Eug. Prym** und **Alb. Socin.** Kurdische Sammlungen. Abth. I. II. a) Die Texte. b) Übersetzung. St. P., Akad. 1887. 90. 8⁰.

Beiträge und Bemerkungen [pp. 5. 19] ~ in [43

[Syrische Grabschriften aus Semiretschie, herausgegeben und erklärt von **D. Chwolson.** Mit einer Tafel. (Présenté le 1. IV. 1886). St. P. 1886. pp. I+30. imp. 4⁰. ~ Mém. de l'Acad. VII-e sér. t. XXXIV, № 4.]

Cp. **Д. Хвольсонъ.** Предварительныя замѣтки о найденныхъ въ Семирѣченской области сирійскихъ надгробныхъ надписяхъ. ~ Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ. I (1886) стр. 84—109].

Нарѣчія и т. д. I отд. ч. VI. = Образцы и т. д. Часть VI. Нарѣчіе Таранчей. — Die Sprachen u. s. w. I. Abth. VI. Th. = Proben u. s. w. VI. Theil. Dialect der Tarantschi. *[Text. Impr. XII. 1886].* Спб., Ак. 1886. pp. III+VI *[Предисловіе]* + II + 211. gr. 8⁰. *[44*

— — *idem.* Übersetzung. *[Impr. XII. 1885].* St. P., Ak. 1886. pp. III+VI *[Vorrede]*+II+272. gr. 8⁰. *[45*

Rec. **Techmer** ~ Intern. Zts. f. allg. Sprachwiss. IV (1889) p. 291—292. über V und VI: **W. Sch[ott]** ~ Dts. Litt:ztg. 1887 p. 704—5.

1887.

Vorläufiger Bericht über eine wissenschaftliche Reise in die Krym im Jahre 1886. (Lu le 3/15. III. 1887.) ~ Bull. de l'Acad. XXXI (1887) p. 544—550 = Mél. Asiat. IX,3 (1887) p. 261—270. *[46*

Bericht über zwei von N. Katanoff eingereichte Beiträge zur Erforschung des Sagai-Dialectes. (Lu le 3/15. III. 1887). ~ Bull. de l'Acad. XXXI (1887) p. 550—554 = Mél. Asiat. IX,3 (1887) p. 271—275. *[47*

Nämlich: **N. Katanoff.** Die aus dem Russischen entlehnten Fremdwörter des Sagai-Dialectes. ~ Bull. XXXII (1887), p. 25—49 = Mél. As. IX,3 (1887) p. 277—312.
eiusd. Verzeichniss der sagaischen Namen der Flüsse, Dörfer, Städte und Stämme, welche die Unterthanen des Steppengerichts der vereinigten Stämme (an der Mündung des Askys) bilden. ~ ib. p. 49—53 = p. 313—319.

Bericht über eine Reise zu den Karaimen der westlichen Gouvernements. (Lu le 18/30. VIII. 1887.) ~ Bull. de l'Acad. XXXII (1888) p. 173—182 = Mél. asiat. IX,4 (1888) p. 403—416. *[48*

Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus. Manuscript der Bibliothek der Marcus-Kirche in Venedig. Nach der Ausgabe des Grafen Kuun (Budapest 1880). (Lu le 25. II. 1886.) *[Impr. IX. 1887.]* St. P. 1887. pp. I + 132. imp. 4⁰. ~ Mém. de l'Acad. VII-e sér. t. XXXV; № 6. *[49*

Rec. Kuun ~ Giorn. Soc. asiat. ital. III (1889) p. 192—9. IV (1890) p. 236—51.

1888.

Der Bericht des Herrn Professor Chwolson über die in dem Gebiete von Semiretschie aufgefundenen syrischen Grabinschriften. (Lu le 8/20. III. 1888.) ~ Bull. de l'Acad. XXXII (1888) p. 464—465 = Mél. Asiat. IX,4 (1888) p. 595—597. *[50*

Cf. № 59.

Въ Историко-Филологическое Отдѣленіе *[Записка объ общелингвистической азбукѣ, составленной, по образцу осетинской азбуки акад. А. Шёгрена, на основаніи русскихъ буквъ. Подписали]* **В. Радловъ, В. Васильевъ, К. Залеманъ.** *[Impr. III. 1888.]* s. t., pp. 39 + (37). imp. 4⁰. *[51*

Печатано какъ рукопись.

1888—1906.

Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій.—Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte. St. P., Ak. lex. 8⁰. *[52*

Вып. Lfg. 1. 1888. *[Impr. XII.]* pp. XVIII + coll. 320.
„ 2. 1889. *[Impr. VI.]* pp. XVII—XVIII *[Carton]* + col. 321—640.
„ 3. 1889. *[Impr. XII.]* col. 641—960.
„ 4. 1890. *[Impr. XII.]* col. 961—1280.
„ 5. 1892. *[Impr. IX.]* col. 1281—1600.
„ 6. 1893. *[Impr. IX.]* col. 1601—1914 + pp. 66 + tit. = Томъ I. Гласные.—Band. I. Die Vocale. 1893.
„ 7 (1). 1895. *[Impr. IV.]* col. 320.

Вып. Lfg. 8 (2). 1896. *[Impr. VII.]* col. 321—640.
„ 9 (3). 1897. *[Impr. VII.]* col. 641—960.
„ 10 (4). 1898. *[Impr. I.]* col. 961—1280.
„ 11 (5). 1898. *[Impr. XII.]* col. 1281—1600.
„ 12 (6). 1899. *[Impr. IX.]* col. 1601—1814+tit. = T. II. Согласныя: k, к, к̇, ҕ, г (г̇), x, h, ḣ. — Bd. II. Die Consonanten: do. 1899.
„ 13 (1). 1900. *[Impr. V.]* col. 320.
„ 14 (2). 1901. *[Impr. VII.]* col. 321—640.
„ 15 (3). 1902. *[Impr. VI.]* col. 641—960.
„ 16 (4). 1903. *[Impr. II.]* col. 961—1280.
„ 17 (5). 1903. *[Impr. IX.]* col. 1281—1600.
„ 18 (6). 1905. *[Impr. VII.]* col. 1621—2204 + pp. 98+tit. = T. III. j, j̇, ȷ, н̇, п, р, л, l, т, д, ч. — Bd. III. do. 1905.
„ 19 (1). 1905. *[Impr. X.]* col. 320.
„ 20 (2). 1906. *[Impr. IX.]* col. 321—639.

[= T. Bd. IV. џ, ц, с, etc.].

Rec. Lfg. 1—8: **H. W[inkle]-r** ∼ Lit. Centralbl. 1898 p. 96—7.
„ 2—3: **Katanov** ∼ Изв. Вост. — Сиб. Отд. И. Р. Географ. Общ. XIII (sic?) p. 83—86.
„ 11: **R. N. Cust** ∼ J. R. As. Soc. N. S. XXII (1981) p. 342 ff.

1888.

Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга. *[Чит. въ засѣд. 1. XII. 1887 г.]* ∼ Зап. Вост. Отд. И. Р. Археол. Общ. III (1888) p. 1—40 + Табл. I *[Факсимиле ярлыка Темиръ-Кутлуга хранящагося въ Вѣнской придворной библіотекѣ].* [53

Recension:

В. Вербицкій. Словарь Алтайскаго и Аладагскаго нарѣчій тюркскаго языка. Изд. Православн. Миссіонерскаго Общ. Казань 1884. pp. IV + 494. 8⁰.
∼ Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ. III (1888) p. 138—141. [54

Сибирскія древности. Томъ I-й, выпускъ 1-й. Съ кар-

тою, 6 таблицами и 22 политипажами. Спб. 1888. pp. (III)+IV+40+19. tabb. I—VI. fol. [Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые И. Археологическою Коммиссіею. № 3]. [55

I,2—1891. 3—1894. II,1—1902.

Rec. S-y-z. ~ Internat. Archiv f. Ethnogr. II (1889) p. 239—240.

1889.

Разборъ надписей надгробныхъ камней, найденныхъ въ 1886 году внутри текіи Шахъ Али Хана въ Касимовѣ. (Съ 2 таблицами). ~ Записки И. Акад. Наукъ LXI (1889) p. 1—8. [56

Bericht über die abhandlung des herrn Nik. Anderson „Wandlungen der anlautenden dentalen spirans im ostjakischen, ein beitrag zur ugrofinnischen lautlehre". Von **W. Radloff** und **C. Salemann.** (Lu le 18/30. IV. 1889.) ~ Bull. de l'Acad. N. S. I (XXXIII, 1889) p. 197—199 = Mél. Asiat. X, 1 (1890) p. 1—3. [57

Die Abhandlung erschien 1893 als Mém. de l'Acad. 7-e sér. XL, № 2.

Über alttürkische Dialekte. 1. Die seldschukischen Verse im Rebâb-Nâmeh. (Lu le 22. VIII. 1889.) ~ Bull. de l'Acad. N. S. I (XXXIII. 1889) p. 291—351 = Mél. Asiat. X, 1 (1890) p. 17—77. [58

Vgl.: Noch einmal die Seldschukischen Verse. Von **C. Salemann.** ~ ibid. II (XXXIV) p. 293—325. = Mél. Asiat. X, 2 (1892) p. 173—245.

1890.

Das türkische Sprachmaterial der im Gebiete von Semirjetschie aufgefundenen syrischen Grabinschriften. ~ *als* Beilage I. pp. 138—157 *in:* [59

Syrisch-nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie, hgg. u. erkl. von **D. Chwolson.** (Lu le 8. III. 1888). St. P. 1890. ~ Mém. de l'Acad. VII. sér. t. XXXVII, № 8. [*Impr. V. 1890*].

Vgl. [**P. v. Küge**]-**Ig**-[**en**]. ~ St. P. Ztg. № 196 vom 15/27. VII. 1890.

Kudatku Bilik. Facsimile der uigurischen Handschrift der K. K. Hofbibliothek in Wien. Im Auftrage der K: Ak: d: W: herausgegeben. St. P. 1890. *[Impr. V. 1890]*.

Etiam sub titulo:

Кудатку-Биликъ. Факсимиле уйгурской рукописи И. и К. Придворной библіотеки въ Вѣнѣ. Изданный по порученію И. С.-Петербургской Академіи Наукъ. Спб. 1890. pp. (III)+XIII+200+(I). gr. fol. *[60*

(Photographie u. Druck von C. Angerer & Göschl, Wien).

1891.

Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasagun. Theil I. Der Text in Transscription herausgegeben. *[Impr. IV. 1891].* St. P., Ak. 1891. pp. (I)+XCIII+252. gr. 4⁰. *[61*

Mit 3 Tafeln, ad. p. LVII [Titel der Uigurenchane], ad p. LXXXV [eine uigurische Inschrift aus Karakorum], ad p. LXXXVI [Tabula scripturae Uiguricae, Mongolicae, Mandschuricae del. ab J. Euting].

Cf. № 63. — Cf. № 71. — II, 1: 1891.

Сибирскія древности. Томъ I, вып. 2-й. Съ 8 таблицами и 30 политипажами. Спб. 1891. pp. (III)+41—80+21—52. tabb. VII—XIV. fol. [Матеріалы по археологіи Россіи. № 5]. *[62*

Referat über Lfg. 1 und 2: L. Cohn. Sibirische Alterthümer. ~ Vhdlgn. d. Berl. Ges. f. Anthropologie etc. (Virchow). 1894 p. (149) — (160), und 1895 p. (244) — (267); hierzu Taf. IV u. V. [Redigiert unter persönlicher Leitung Radloffs].

Титулы и имена уйгурскихъ хановъ. ~ Зап. Вост. Отд. И. Р. Археол. Общ. V (1891), p. 265—250 и табл. V. *[63*

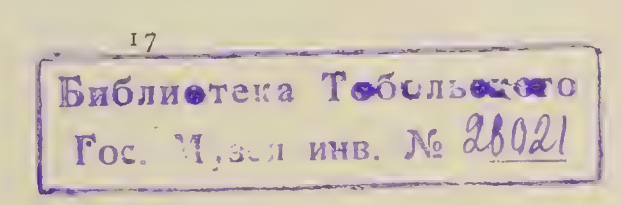
Cf. № 61.

1892.

Eine neue Methode zur Herstellung von Abklatschen von Steininschriften. (Lu le 18. II. 1892.) ~ Bull. de l'Acad. N. S. III (XXXV. 1892—94) p. 153—166 = Mél. Asiat. X, 2 (1892) p. 257—270. *[64*

Cf. № 72.

Über eine neu aufgefundene uigurische Inschrift. (Lu le 15. IV. 1892.) ~ Bull. de l'Acad. N. S. III (XXXV. 1892) p. 327—329 = Mél. As. X, 2 (1892) p. 387—389. *[65*

Предварительный отчетъ о результатахъ снаряженной съ Высочайшаго соизволенія Императорскою Академіею Наукъ экспедиціи для археологическаго изслѣдованія бассейна рѣки Орхона. Съ приложеніями. ~ Сборникъ трудовъ Орхонской экспедиціи I. Спб., Ак. 1892. *[Impr. VIII. 1892.]* pp. (III) + 113. gr. 8⁰. *[66*

Содержаніе: **В. В. Радловъ.** Предварительный отчетъ, pp. 1—12. Приложенія: I. Письмо **Д. А. Клеменца**, pp. 13—23. II. **С. М. Дудинъ.** Предварительный отчетъ поѣздки изъ Эрдени-Цзу въ Кяхту, pp. 24—27. III. **Н. М. Ядринцевъ.** Предварительный отчетъ объ изслѣдованіяхъ по р. Толѣ, Орхону и въ Южномъ Хангаѣ, pp. 27—40. IV. **Н. П. Левинъ.** Предварительный отчетъ, pp. 41—50. V. **Н. М. Ядринцевъ.** Отчетъ экспедиціи на Орхонъ, совершенной въ 1889 г., p. 51—113.

Dr. **W. Radloff's** Vorläufiger Bericht über die Resultate der mit Allerhöchster Genehmigung von der Kaiserl. Akamie der Wissenschaften ausgerüsteten Expedition zur archäologischen Erforschung des Orchon-Beckens. Aus dem Russischen übersetzt von **O. Haller.** (Lu le 29. IV. 1892.) ~ Bull. de l'Acad. N. S. III. (XXXV. 1892) pp. 353—398 = Mél. Asiat. X, 2 (1892) pp. 392—436. *[67*

Enthält den Bericht und die vier ersten Beilagen.

Danach: Radloff's Untersuchung des Orchon-Beckens. ~ Globus LXIV, 5 (1893) p. 69—72.

Rec. **Heger** ~ Mitthlgn. d. anthropol. Ges. in Wien. XXII (1892) p. 222—224 [zugleich über den „Atlas" 1].

Труды Орхонской экспедиціи. Атласъ древностей Монголіи. Изданъ по порученію И. Академіи Наукъ [вып. I]. Спб. 1892. *Etiam sub titulo:*

Arbeiten der Orchon-Expedition. Atlas der Allerthümer de Mongolei. Im Auftrage der K: Ak: d: Wiss: herausgegeben. [Lfg. I. *Impr. V. 1892.*] St. P. 1892. foll. (VII) + tab. 64. imp. fol. *[68*

Rec. **K. Grotenfeld** ~ Valvoja (Helsingfors) 1892 p. 631—638.

Археол. Извѣстія и замѣтки изд. И. Моск. Археол. Общ. I (1893) p. 131—3.

1893.

Труды и т. д. Вып. II. Спб.

Arbeiten u. s. w. Zweite Lieferung. Tafeln: VI, XXVII, XXXVI, LIII, LXI, LXIII, LXXI—LXXXIII und zwei Marcherouten der Orchon-Expedition. *[Impr. VII. 1893.]* St. P. 1893. foll. (VI) + tab. 19. *[69*

Lfg. III. 1896. IV. 1899.

Aus Sibirien. Lose Blätter aus meinem Tagebuche. Bd. I. II. 2-te Ausgabe. Lpz., Weigel 1893. pp. VII + 536 und 489, mit farbigem Titelbild und 31 Illustrations-Tafeln. 8⁰. *[70*

Neue Titel-Ausgabe des 1884 erschienenen Werkes, № 35.

Къ вопросу объ Уйгурахъ. Изъ предисловія къ изданію Кудатку-Билика. (Чит. 24. X. 1890). — Зап. И. Акад. Наукъ. LXII, 1. Приложеніе № 2. *[Impr. II. 1893.]* Спб. 1893. pp. (I) + 130. 8⁰. *[71*

Cf. № 61.

О новомъ способѣ приготовленія эстампажей съ надписей на камняхъ. [„Спб. мартъ 1892“.] ~ Зап. Вост. Отд. И. Р. Археол. Общ. VII (1893) p. 169—181. *[72*

Cf. № 64.

1894.

Сибирскія древности. Томъ I, вып. 3-й. Съ 8 табл. рисунковъ и 30 политипажами. Спб. 1896. pp. (IV) + 81—132 + 53—146 + 1 + XIX. + tabb. XV—XXII. [Матеріалы по археологіи Россіи. № 15]. *[73*

Конецъ тома.

Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. I. Das Denkmal zu Ehren des Prinzen Kül Tegin. (Lu le 19. I. 1894.) St. P., Ak. 1894. *[Impr. I. 1894]* s. t., pp. 35. lex. 8⁰.

Nur in 50 Exemplaren gedruckt. *[74*

Note préliminaire sur l'inscription de Kiu-Yong Koan. 3-e partie. Les inscriptions ouigours, par M. l'académicien **W. Radloff.** ~ Journ. asiat.⁹ IV (1894) p. 546—550. *[75*

Les deux premières parties de cette note, rédigées par MM. **Él. Chavannes** et **S. Lévi** ont paru ibid. p. 354—373, et la 4-e, par M. **G. Huth**, dans le t. V (1895) p. 351—360.

Cp. ibid. VI (1895) p. 195, et Prince **Roland Bonaparte**. Documents de l'époque mongole. Paris. 1895. fol.

Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. 1-ste Lieferung. Die Denkmäler von Koscho-Zaidam. Text, Transscription und Übersetzung. *[Impr. III. 1894.]* St. P., Ak. 1894. s. t. pp. 1—83. lex. 8⁰.

— — 2-te Lfg. Die Denkmäler von Koscho-Zaidam. Glossar, Index und die chinesischen Inschriften, übersetzt von **W. P. Wassiljew**. *[Impr. V. 1894.]* St. P., Ak. 1894. pp. 83—174 + 2 foll. lex. 8⁰. *[76*

Vgl. **В. П. Васильевъ**. Китайскія надписи на Орхонскихъ памятникахъ въ Кошо-Цайдамѣ и Карабалгасунѣ. ~ Сборникъ трудовъ Орх. экспед. III. Спб. 1897. tit. + pp. 36 + tabb. III + pp. 23. lex. 8⁰.

1895.

— — 3-te Lfg. Verbesserungen, Zusätze und Bemerkungen zu den Denkmälern von Koscho-Zaidam, die übrigen Denkmäler des Orchon-Beckens und die Denkmäler im Flussgebiete des Jenissei. *[Impr. IX. 1895.]* St. P., Ak. 1895. pp. 175—460 + *[Tit. etc.]*. lex. 8⁰.

Haupttitel: Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. 1895. Neue Folge — 1897. Zweite Folge — 1899.

Rec. **K. Grotenfelt** ~ Valvoja (Helsinfors 1896) p. 240—8.
G. Schlegel ~ T'oung-Pao VI (1894) p. 516—525.

Инструкція для собиранія этнографическихъ предметовъ относящихся до быта Киргизовъ Степнаго Генералъ-Губернаторства. Печатано по распоряженію Департамента торговли и мануфактуръ. Спб. 1895. Типогр. Киршбаума. pp. 10. 8⁰. *[77*

1896.

Нарѣчія и т. д. I отд. ч. VII. = Образцы и т. д. ч. VIII. Нарѣчія Крымскаго полуострова. — Die Sprachen u. s. w. I. Abth. VII. Th. = Proben u. s. w. VII. Theil. Die

Mundarten der Krym. *[Text. Impr. II. 1896.]* Спб., Ак. pp. XVIII + 408 + 527 [מנומא]. gr. 8⁰. *[78*

Труды Орхонской экспедиціи. Атласъ древностей Монголіи. . . . Вып. 3-й. Табл. LXXXIII—CIV. — Arbeiten der Orchon-Expedition. Atlas der Alterthümer der Mongolei. . . . 3-te Lfg. Taf. LXXXIII—CIV. Спб., Ак. 1896. *[Impr. IV. 1896.]* foll. (III + III) + tabb. 22. fol. max. *[79*

1897.

Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. Nebst einer Abhandlung von **W. Barthold**: Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. *[Impr. V. 1897.]* St. P., Ak. 1897. pp. VII + 181 + I + 36. lex. 8⁰. *[80*

Rec. **H. W[inkle]-r** ~ Lit. Centralbl. 1898 p. 159—161.
W. Bang ~ T'oung-Pao VIII (1897) p. 533—9. IX (1898) p. 117—141.
E. Drouin ~ Journ. asiat.[9] XII (1898) p. 341.

В. В. Радловъ и **П. М. Меліоранскій.** Древне-тюркскіе памятники въ Кошо-Цайдамѣ. ~ Сборникъ трудовъ Орхонской эксп. IV. *[Impr. XII. 1897.]* Спб., Ак. 1897. pp. (III) + 45 + foll. VII. lex. 8⁰. *[81*

1898.

Eine neu aufgefundene alttürkische Inschrift. Vorläufiger Bericht. (Vorgelegt am 12. XI. 1897). ~ Bull. de l'Acad. 4-e sér. VIII, 1 (1898) p. 71—76. *[82*

Cf. № 85.

Zum Kudatku Bilik. ~ Zts. d. Dts. Mgld. Ges. LII (1898) p. 715. *[83*

Gegen Alberts. Zur Textkritik des Kudatku Bilik. ~ ZDMG. LI (1897) p. 715—717; *vgl.* Clermont-Ganneau. Note sur un passage du Kudatku-Bilik. ~ Journ. asiat.[9] XI (1898) p. 334—335.

Über eine in Kairo aufgefundene zweite Handschrift des Kudatku-Bilik. (Vorgelegt am 26. VIII. 1898.) ~ Bull. de l'Acad. 4-e sér. IX, 4 (1898) p. 309—319. *[84*

1899.

Разборъ древне-тюркской надписи на камнѣ найденномъ на урочищѣ Аиртамъ-ой въ Кенкольской волости Аулiеатинскаго уѣзда. ~ Зап. Вост. Отд. И. Р. Археол. Общ. XI (1899) p. 85—86. [85

Ср. **В. А. Калауръ.** Камень съ древне-тюркской надписью изъ Аулiеатинскаго уѣзда. [Перепеч. изъ Протоколовъ Туркестанскаго кружка любителей археологiи, общ. собр. 11. XII. 1896]. ~ ibid. p. 79—83, tab. XVI. XVII.

Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. **W. Radloff**, Die Inschrift des Tonjukuk. **Fr. Hirth**, Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. **W. Barthold**, Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen. *[Impr. III. 1899.]* St. P., Ak. 1899. pp. (V) + XXIV + 122 + (I) + 140 + (I) + 20. lex. 8⁰. [86

Rec. **E. H. Parker** ~ Engl. Hist. Rev. XV (1901) p. 149—152.
L. N[**ocentini**] ~ Giorn. della Soc. asiat. ital. XII (1899) p. 242.
Ср. **В. Бартольдъ.** Новыя изслѣдованiя объ Орхонскихъ надписяхъ. ~ Журн. Мин. Нар. Просв. 325 (1902), отд... p. 231—250.
E. H. Parker. Progress in Old Turkish discoveries. ~ China Rev. XXIV (1899) p. 21—38.

Altuigurische Sprachproben aus Turfan, pp. 55—83 ~ *in:* [87

[Nachrichten über die von der K: Akad: d: Wiss: zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. Heft I. *[Impr. IX. 1899]*. St. P., Ak. 1899. tit. pp. 83. lex. 8⁰.]

Нарѣчiя тюркскихъ племенъ. I-е отдѣленiе. Образцы народной литературы. Часть VIII. — Die Sprachen der türkischen Stämme von Dr. **W. Radloff.** I. Abtheilung. Proben der Volkslitteratur. VIII. Theil. Von Dr. **Ignaz Kúnos.** *Etiam sub titulo:*

Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ изданные **В. Радловымъ.** Часть VIII. Нарѣчiя Османскiя. Тексты собраны **И. Куношемъ.** — Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme herausgegeben von

Dr. **W. Radloff.** VIII. Theil. Mundarten der Osmanen. Gesammelt und übersetzt von Dr. **Ignaz Kúnos.** *[Impr. IV. 1899.]* Спб., Ак. 1899. pp. (III)+II *[Оглавленіе]* +XLII [Vorwort. Ueber die Volkspoesie der osmanischen Türken (von Kunos)] +588. gr. 8⁰. *[88*

Rec. Luzac's Oriental List. XI (1900) p. 125.
Eine Übersetzung ist nicht erschienen.

Труды Орхонской экспедиціи. Атласъ и т. д. Вып. 4-й. Табл. CV—CXVIII. — Arbeiten der Orchon-Expedition. Atlas u. s. w. 4-te Lfg. Taf. CV—CXVIII. *[Impr. IX. 1899.]* Спб., Ак. 1899. foll. (II+II)+tab. 14. fol. max. *[89*

1900.

Изслѣдованіе д-ра Гирта о родословной Аттиллы. [24. II. 1900.] ~ Зап. Вост. Отд. И. Р. Археол. Общ. XIII, 1 (1900) p. XX—XXI. *[90*

Aus Anlass zweier Schriften des Dr. **Fr. Hirth**: Über Wolga-Hunnen und Hiung-nu. ~ Szgsber. d. k. b. Ak. d. W. Philos.-philol. u. hist. Kl. 1900. II, 1 p. 245—278 [*rec.* К. Иностранцевъ ~ Зап. l. c. p. 068—073] *und:* Sinologische Beiträge zur Geschichte der Türk-Völker. I. Die Ahnentafel Attila's nach Johann von Thurócz. ~ Bull. de l'Acad. 4ᵉ sér. XIII (1901) p. 221—261. [Vgl. **Hirth.** Neue Forschungen über das Geschlecht Attila's. ~ Beilage zur Allg. Ztg. № 177 vom 4. VIII. 1900].

Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasagun. Theil II. Text und Übersetzung nach den Handschriften von Wien und Kairo herausgegeben. I. Lieferung: p. 2—95 der Wiener Handschrift. *[Impr. XI. 1900.]* St. P., Ak. 1900. pp. XXIV [Einleitung zur ersten Lieferung] +228. imp. 4⁰. *[91*

1901.

Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems. (Vorgelegt am 29. XI. 1901.) ~ Bull. de l'Acad. 4-e sér. XIV, 4 (1901) p. 425—462. *[92*

1902.

Türkisch. [II p. 94—108] ~ *in:* [93
[Marksteine aus der Weltlitteratur in Originalschriften herausgegeben von **Johannes Baensch-Drugulin**. Lpz. 1902. fol.]
Aus dem Kudatku Bilik.

Сибирскія древности. Томъ II, вып. 1. Съ 6-ю таблицами и 11-ю рисунками. Спб. 1902. pp. (III) + 38. tab. I—VI. fol. [Матеріалы по археологіи Россіи. № 24]. [94

1904.

Нарѣчія тюркскихъ племенъ. I-е отд. ч. X. Тексты и Словарь. — Die Sprachen der türkischen Stämme. I. Abth. X. Th. Von **V. Moschkoff**. Text und Wörterbuch.
Etiam sub titulo:

Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ изданные **В. Радловымъ**. Часть X. Нарѣчія бессарабскихъ Гагаузовъ. Тексты собраны и переведены **В. Мошковымъ**. (Съ двумя прибавленіями).—Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme herausgegeben von Dr. **W. Radloff**. X. Theil. Mundarten der Bessarabischen Gagausen. Gesammelt und übersetzt von **V. Moschkoff**. (Mit zwei Beilagen). *[Impr. V. 1904]*. Спб., Ак. 1904. pp. X + XXXII + 343 + 23 [ноты] + 114 [словарь]. gr. 8°. [95
— — *idem*. Переводъ. *[Impr. VI. 1904]*. Спб., Ак. 1904. pp. X + 346. gr. 8°. [96

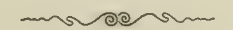
1906.

Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen. (Vorgelegt am 28. IX. 1905.) *[Impr. I. 1906.]* St. P. 1905. ~ Mém. de l'Acad. VIII-e sér. Cl. hist.-phil. VII, № 7. [97
Uigurische Schriftstücke, in Text und Übersetzung. Anhang pp. 181—195 ~ *in:* [98

[Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebung im Winter 1902—1903 von **A. Grünwedel.** ~ Abhdlgn. d. philos.-philol. Kl. d. k. bair. Ak. d. W. XXIV, 1. München 1906. 4⁰].

Die Jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. [Lu le 15/28. XI. 1906.] *[99*

Erscheint in den Mémoires de l'Académie.

Schlussbemerkung. Bei der eile, mit welcher dise sammelarbeit ab geschloßen werden muste, kan ich für absolute volständigkeit der notizen nicht ein stehn und darf daher um nachsicht bitten.

10/22. XII. 06. *C. Salemann.*

МУЗЕЙ

АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ВЪ ПЕРІОДЪ 12-ЛѢТНЯГО УПРАВЛЕНІЯ

В. В. РАДЛОВА.

1894—1906.

Въ началѣ 1894 года, по смерти академика Л. И. Шренка, директора Музея по Антропологіи и Этнографіи, Историко-Филологическое Отдѣленіе Академіи Наукъ возбуждаетъ вопросъ о передачѣ этого Музея изъ вѣдѣнія Физико-Математическаго Отдѣленія въ вѣдѣніе Отдѣленія Историко-Филологическаго. Свое предложеніе Историко-Филологическое Отдѣленіе мотивируетъ тѣмъ, что во первыхъ „матеріалы, собранные въ этомъ Музеѣ, больше соотвѣтствуютъ лингвистическимъ и историко-бытовымъ изслѣдованіямъ" и что, во вторыхъ, „въ I Отдѣленіи Академіи Наукъ не имѣется ученаго, интересующагося этнографіей". Соединенное засѣданіе I и III Отдѣленій 16 марта рѣшаетъ этотъ вопросъ въ пользу передачи Музея въ вѣдѣніе Историко-Филологическаго Отдѣленія, но лишь при условіи: „1) чтобы директоръ Музея, избранный изъ членовъ III Отдѣленія, всѣ научные вопросы по антропологіи представлялъ на обсужденіе Физико-Математическаго Отдѣленія и 2) чтобы въ Музеѣ значительныя перемѣщенія этнографическихъ предметовъ не производились въ ущербъ антропологическимъ".

16-го же марта Историко-Филологическое Отдѣленіе единогласно избираетъ академика Василія Васильевича Радлова директоромъ „Музея по Антропологіи и Этно-

графіи, преимущественно Россіи“ [1]), и судьба Музея, которымъ равно интересуются два Отдѣленія Академіи Наукъ, отнынѣ неразрывно связывается съ именемъ этого ученаго, отдающаго себя всецѣло на служеніе его интересамъ.

Прошлое этого учрежденія до вступленія въ управленіе имъ В. В. Радлова подробно разработано въ статьѣ покойнаго хранителя Музея Ф. К. Руссова въ его „Beiträge zur Geschichte der Ethnographischen und Anthropologischen Sammlungen der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg“ [2]). Мы считаемъ, поэтому, излишнимъ касаться здѣсь снова этого періода исторіи Музея, періода, полнаго превратностей, какія едва ли приходилось переживать какому либо другому изъ академическихъ музеевъ.

В. В. Радловъ вступаетъ въ управленіе въ моментъ, когда Музей, послѣ многократныхъ кочеваній, нашелъ, наконецъ, съ 1891 года, постоянное помѣщеніе въ верхнемъ этажѣ новой пристройки къ зданію Библіотеки Академіи, гдѣ въ двухъ залахъ съ трудомъ удалось размѣстить наиболѣе выдающіяся коллекціи по Антропологіи, Доисторической археологіи и Этнографіи, причемъ цѣлыхъ два интересныхъ отдѣла по сравнительной анатоміи и тератологіи (знаменитая коллекція Рюйша и собраніе уродовъ) не нашли себѣ мѣста въ Музеѣ и были сложены въ подвальномъ помѣщеніи главнаго зданія Академіи.

Двѣ залы, тѣсно заполненныя коллекціями, одинъ уче-

---

1) Таково было тогда оффиціальное названіе Музея, сохранившееся вплоть до 1903 г., когда по предложенію В. В. Радлова, исходившаго изъ болѣе широкаго пониманія задачъ Музея, послѣдній былъ переименованъ въ Музей Антропологіи и Этнографіи имени Императора Петра Великаго.

2) „Сборникъ Матеріаловъ Музея Антропологіи и Этнографіи, вып. I 1900 г.“.

ный хранитель съ содержаніемъ въ 600 рублей въ годъ, одинъ служитель и скудный бюджетъ въ 1200 рублей, включая въ эту сумму и содержаніе служащаго персонала, — таковы были условія, при которыхъ новый директоръ началъ свою дѣятельность.

Музей къ этому времени вмѣщалъ въ себѣ свыше 5000 слишкомъ предметовъ этнографическихъ, богатыя коллекціи по археологіи и обширное собраніе череповъ.

Весь этотъ матеріалъ не только не былъ систематизированъ, но даже не былъ зарегистрированъ. Происхожденіе значительной части коллекцій терялось въ архивѣ какъ Музея, такъ и тѣхъ учрежденій, изъ которыхъ поступали коллекціи. При наличности одного только кон-

серватора и при отсутствіи денежныхъ средствъ, все попеченіе о Музеѣ сводилось лишь къ сохраненію въ цѣлости имѣвшихся коллекцій и къ выставленію ихъ для обзора публики.

Въ Музеѣ велись, правда, книги съ записями поступленій, но эти записи заключали въ себѣ только даты и общія характеристики коллекцій въ цѣломъ, отдѣльные же предметы, входившіе въ составъ коллекцій, оставались безъ нумеровъ и этикетокъ и вдобавокъ очень часто разставлялись въ залахъ Музея не по территоріямъ и народностямъ, а сообразуясь съ совершенно чуждыми этнографіи требованіями эстетики и симметріи. Только фено-

менальная память и долгая служба ученаго хранителя К. Ѳ. Руссова и его безконечно преданнаго Музею помощника, сторожа Саминова, давали возможность при такихъ условіяхъ, болѣе или менѣе, оріентироваться въ провенансѣ и назначеніи отдѣльныхъ предметовъ. Это была, до извѣстной степени, ихъ личная тайна, и съ ихъ смертью научное значеніе большинства предметовъ Музея могло быть совершенно потеряннымъ для науки.

Естественно при такихъ условіяхъ, первой и самой настоятельной задачей для новаго директора было, какъ можно скорѣе, и пока были живы старые работники Музея, приступить къ научной регистраціи. Но тутъ встрѣтилось препятствіе совершенно особаго рода. Прежде чѣмъ приступить къ регистраціи, необходимо было принять разъ навсегда ту или другую систему регистраціи, потому-что всякія послѣдующія перемѣны въ системахъ привели бы къ непоправимой путаницѣ. Между тѣмъ выбрать соотвѣтствующую систему было очень не легко. Въ то время во всей Европѣ, какъ еще и теперь въ большинствѣ европейскихъ и американскихъ музеевъ, господствовала система, принятая Ад. Бастіаномъ въ Берлинскомъ музеѣ. По этой системѣ вся территорія земли разбивалась на извѣстное число крупныхъ этнографическихъ областей, каждая изъ которыхъ получала особый номеръ, затѣмъ каждый отдѣльный предметъ получалъ № соотвѣтствующій данной этнографической области и кромѣ того сплошной номеръ въ порядкѣ поступленія предмета въ соотвѣтствуюшій отдѣлъ. Неудобства этой системы заключаются въ томъ, что предметы совершенно вырываются изъ среды той коллекціи, въ числѣ которой они поступили, и тѣмъ затрудняется отыскиваніе ихъ провенанса, а кромѣ того система сплошной нумераціи создаетъ техническія затрудненія при обозначеніи высокихъ нумеровъ, которые въ большихъ музеяхъ могутъ

доходить до пяти-шести значныхъ чиселъ. И вотъ, чтобы выбрать наиболѣе простую и цѣлесообразную систему регистраціи, новый директоръ предпринимаетъ спеціальное путешествіе въ Западную Европу.

Осмотрѣвъ большинство заграничныхъ музеевъ и изучивъ ихъ способъ регистраціи, онъ останавливается, наконецъ, какъ на простѣйшей и удобнѣйшей, на системѣ Копенгагенской, и въ нѣсколько измѣненномъ и упрощенномъ видѣ рѣшаетъ ввести ее въ своемъ Музеѣ. Особенности этой до чрезвычайности простой системы сводятся къ слѣдующему. Каждая, связанная общностью провенанса, коллекція записывается въ журналъ поступленій подъ однимъ общимъ номеромъ, слѣдующимъ за номеромъ предыдущей по журналу коллекціи. На каждомъ отдѣльномъ предметѣ данной коллекціи выставляется два номера: крупными цифрами — номеръ коллекціи по журналу поступленій и болѣе мелкими — номеръ предмета данной коллекціи по порядку. Эта система даетъ возможность разрознивать коллекціи, размѣщать предметы въ любомъ порядкѣ—эволюціонномъ или культурно-этническомъ — и въ то же время въ любой моментъ по крупному номеру его опредѣлять провенансъ и находить всѣ относящіеся къ нему документы, хранящіеся подъ тѣмъ же номеромъ. При этомъ номера никогда не достигаютъ такой многозначности, какъ въ системѣ Бастіана.

Система эта, кромѣ академическаго музея, и именно въ варіантѣ В. В. Радлова, нынѣ принята въ Этнографическомъ отдѣлѣ Музея Александра III, и въ нѣсколькихъ провинціальныхъ, хранители которыхъ работали въ академическомъ Музеѣ.

Но самое трудное предстояло впереди: необходимо было приступить къ самой регистраціи. Всѣ трудности этого дѣла вполнѣ могутъ оцѣнить только люди, которые тогда работали въ Музеѣ. Тысячи предметовъ датировали

со временъ Петра Великаго и его Кунсткамеры. Документы къ нимъ давнымъ давно погибли во время пожаровъ, рѣдкіе старинные этикеты носили загадочные номера, ничего не говорившіе регистратору. Огромныя коллекціи Адмиралтейскаго департамента и Вознесенскаго имѣли кой какія описи, но, благодаря отсутствію нумераціи на самихъ предметахъ, требовались огромныя усилія, иногда и остававшіяся безплодными, чтобы подыскать предметы, соотвѣтствующіе описямъ. Кромѣ того въ подвалахъ сваленными въ кучи громоздились цѣлыя груды свезенныхъ въ 1891 г. изъ бывшаго Музея Географическаго общества коллекцій со всѣхъ концовъ Россіи, не имѣвшихъ ни описей, ни нумераціи, если не считать кучи отрывочныхъ замѣтокъ и случайныхъ этикетокъ, по которымъ приходилось рѣшать уравненія со многими неизвѣстными. При такихъ условіяхъ, затруднительныхъ для научной регистраціи, за недостаткомъ средствъ приходилось прибѣгать къ случайнымъ регистраторамъ, совершенно не знакомымъ съ дѣломъ, которые требовали безпрестаннаго руководительства и обученія. Это была тяжелая работа по цѣлымъ днямъ среди атмосферы пыли, затхлости и ядовитыхъ дезинфекціонныхъ препаратовъ. И на эту громадную работу первоначально было, ассигновано, и то послѣ особаго ходатайства, по 50 руб. въ мѣсяцъ на вознагражденіе 2-хъ лицъ для регистраціи!

Не смотря на всѣ эти тяжелыя условія, Музей принимаетъ мѣры для дальнѣйшаго привлеченія этнографическихъ коллекцій, — задача тѣмъ болѣе смѣлая, что такое обогащеніе должно было поневолѣ совершаться безъ какихъ бы то ни было денежныхъ затратъ. Въ одно изъ первыхъ уже послѣ своего избранія засѣданій Историко-Филологическаго Отдѣленія, академикъ Радловъ входитъ съ слѣдующимъ представленіемъ [1]):

1) Засѣданіе 30 марта 1894 г. § 48.

„Осмотрѣвъ нынѣ подробно ввѣренный моему управленію Музей по этнографіи и антропологіи, я убѣдился въ чрезвычайномъ богатствѣ собранныхъ въ немъ коллекцій. Кто знаетъ затруднительное положеніе, въ которомъ находится этотъ Музей, не располагающій достаточнымъ мѣстомъ для выставки предметовъ и даже для подготовительныхъ работъ и неимѣющій въ своемъ распоряженіи необходимыхъ денежныхъ средствъ, — тотъ можетъ только удивляться, какъ заботами прежнихъ директоровъ удалось собрать такое множество драгоцѣнныхъ предметовъ.

„Но, съ другой стороны, надо сознаться, что наши коллекціи въ настоящемъ составѣ не могутъ соотвѣтствовать своему назначенію — дать сколько нибудь полную картину постепеннаго развитія человѣческаго рода и разнообразнаго культурнаго положенія различныхъ племенъ. Самая слабая часть нашего Музея — русскій отдѣлъ, который, за исключеніемъ восточныхъ окраинъ нашего отечества, т. е. Приамурскаго края, крайне бѣденъ. Между тѣмъ само собою разумѣется, что русскій Этнографическій музей естественно долженъ изобиловать предметами, собранными въ предѣлахъ Россіи, которая, по своей обширности и по разнообразію культурнаго состоянія многочисленныхъ обитающихъ въ ней племенъ, представляетъ богатѣйшій въ этомъ отношеніи матеріалъ. Съ пополненіемъ Музея въ этомъ направленіи нужно спѣшить, такъ какъ съ развитіемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ и фабричной жизни, старыя формы быта быстро замѣнятся новыми. Уже теперь собираніе коллекцій представляетъ не мало трудностей, а чрезъ нѣсколько десятилѣтій ученымъ, желающимъ изучать этнографію Россіи, придется обращаться въ заграничные музеи, гдѣ давно составляются такія коллекціи, относящіяся до племенъ, обитающихъ въ Россіи. Такимъ же бѣднымъ является отдѣлъ найден-

ныхъ въ Россіи древностей, что не менѣе прискорбно, такъ какъ въ С.-Петербургѣ нѣтъ другого музея древностей.

„Такое положеніе Музея по этнографіи и антропологіи возлагаетъ на меня обязанность озаботиться о возможно скоромъ пополненіи указанныхъ выше пробѣловъ въ нашихъ коллекціяхъ; а потому я покорнѣйше прошу отдѣленіе:

„1) Обратиться въ Императорскую Археологическую коммиссію съ просьбой помочь намъ пополнить археологическій отдѣлъ нашего Музея. Мнѣ извѣстно, что въ комиссіи ежегодно собирается богатый матеріалъ древностей, находимыхъ во всѣхъ частяхъ Россіи, и что эти коллекціи ежегодно распредѣляются между различными музеями. Такъ какъ въ С.-Петербургѣ нѣтъ археологическаго музея, то эти коллекціи отправляются въ Москву и другіе города. Я лично обращался къ предсѣдателю Археологической комиссіи и убѣдился, что онъ охотно исполнитъ нашу просьбу, если Академія оффиціально обратится къ нему.

„2) Предоставить мнѣ право входить въ сношенія съ лицами, живущими въ разныхъ частяхъ Россіи, которыя могли бы быть полезными при пополненіи нашихъ этнографическихъ коллекцій, и, въ случаѣ надобности, представлять отдѣленію имена тѣхъ лицъ, которыя могли бы быть оффиціально назначены корреспондентами Музея по этнографіи и антропологіи Императорской Академіи наукъ, съ выдачею имъ на это званіе диплома.

„3) Обратиться со стороны Академіи къ намѣстнику Кавказскому, генералъ-губернаторамъ Восточной Сибири, Приамурскаго края, Степному и Туркестанскому и губернаторамъ Оренбургскому, Уфимскому, Пермскому, Тобольскому, Астраханскому, Архангельскому и др. съ просьбой снабжать Музей, если имъ представится воз-

можность, коллекціями этнографическихъ предметовъ изъ быта мѣстныхъ инородцевъ".

Конференція отнеслась сочувственно къ этому предложенію, и уже ближайшее будущее показало, что мѣра не останется безъ результатовъ для Музея. Изъ разныхъ мѣстъ Россіи, въ частности съ Кавказа, изъ губерній Могилевской, Архангельской, Томской, Казанской и др. разные представители администраціи и частныя лица начинаютъ откликаться на призывы Музея присылкой коллекцій и обѣщаніями содѣйствія въ будущемъ. На этомъ, впрочемъ, оффиціальномъ способѣ привлеченія коллекцій директоръ не останавливается. Гораздо больше надеждъ онъ возлагаетъ на ученыя учрежденія и частныхъ лицъ, съ которыми съ самаго начала завязываются живыя и энергичныя связи. Первые же три года ознаменовываются обогащеніемъ Музея выдающимся какъ по своей научной цѣнности, такъ и по количеству, коллекціями. Въ 1896 году въ Музей поступаетъ богатѣйшая коллекція, собранная Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, нынѣ царствующимъ Императоромъ Николаемъ II, во время путешествія Его на Востокъ въ 1890—91 гг. Эта огромная коллекція обнимаетъ собою Китай, Японію, Индію, сибирскихъ инородцевъ и является драгоцѣннѣйшимъ вкладомъ въ Музей. Другая царская коллекція, переданная въ Музей по Высочайшему повелѣнію, поступаетъ въ 1897 г. Это большое собраніе одеждъ, ковровъ и нѣкоторыхъ предметовъ быта, поднесенная болгарскимъ народомъ Императору Александру II ко дню двадцатипятилѣтія Его Царствованія. Въ томъ же году расширяются коллекціи Малайскаго Архипелага даромъ Георга Мейсснера, собравшаго научно составленную коллекцію въ 372 предмета изъ быта каро-батаковъ на Суматрѣ. Далѣе, поступаетъ большая коллекція Швиндта, рисующая бытъ финновъ восточной части

Финляндіи, а ротмистръ Гудзенко приноситъ въ даръ коллекцію въ 212 предметовъ изъ Абессиніи. Слѣдующій, 1898 годъ можетъ зарегистрировать такую выдающуюся коллекцію, какъ собранную Л. Н. Гондатти въ Анадырскомъ краѣ и заключающую въ себѣ слишкомъ 2500 предметовъ.

Приходится ограничиться пока перечисленіемъ этихъ нѣсколькихъ крупныхъ пріобрѣтеній, чтобы перейти къ другой сторонѣ жизни Музея въ первые годы управленія имъ В. В. Радлова.

Три условія тормозили дѣло развитія Музея: скудный бюджетъ, недостатокъ ученаго персонала и тѣсное помѣщеніе. Настойчиво, шагъ за шагомъ, не смотря на всевозможныя затрудненія, В. В. Радловъ устраняетъ эти препятствія.

Къ концу 1895 г. персоналъ Музея, кромѣ директора, состоялъ изъ ученаго хранителя Ф. К. Руссова, г-жи Е. Л. Петри, приглашенной для регистрированія коллекцій, и единственнаго сторожа Саминова, вѣрою и правдою служившаго Музею въ теченіе слишкомъ 15 лѣтъ. Съ 1 января 1896 г. директору послѣ долгихъ хлопотъ удается провести назначеніе для Музея второго ученаго хранителя въ лицѣ Д. А. Клеменца, бывшаго правителя дѣлъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества, участника Орхонской экспедиціи. На этомъ составѣ, если не считать прибавленія двухъ низшихъ служителей, персоналъ Музея остается вплоть до 1899 года, когда во временное пользованіе Этнографическаго Музея было уступлено семь комнатъ во флигелѣ главнаго зданія Академіи [1]). Уступка этихъ комнатъ облегчила на время положеніе Музея, поставленнаго въ необходимость вмѣстить и размѣстить всѣ прибывавшія

1) Часть стараго помѣщенія Зоологическаго музея.

все въ большемъ и большемъ количествѣ коллекціи. Въ новое помѣщеніе были перенесены изъ зданія Этнографическаго Музея собраніе череповъ и отдѣлъ археологіи, что дало возможность выставить новыя пріобрѣтенія этнографическаго отдѣла. Во вновь отведенномъ помѣщеніи были выставлены также и извлеченныя наконецъ на свѣтъ Божій изъ подваловъ Академіи тератологическія коллекціи и историческое собраніе анатомическихъ препаратовъ Рюйша.

1897 годъ знаменуется началомъ печатанія списковъ зарегистрированныхъ коллекцій, а въ слѣдующемъ 1898 году выходитъ первый номеръ „Сборника матеріаловъ Музея", неперіодическаго изданія, предназначеннаго спеціально для научныхъ трудовъ по обработкѣ собраній Музея. Всего вышло до настоящаго времени 5 выпусковъ.

Въ 1898 году, въ видахъ поощренія частныхъ лицъ въ дѣлѣ собиранія этнографическаго матеріала, по ходатайству Музея, вводится Академіей институтъ кореспондентовъ, впослѣдствіи вполнѣ оправдавшій свое назначеніе. Съ этого же года Музей открывается для посѣтителей, кромѣ пятницы, еще и по воскреснымъ днямъ, а съ слѣдующаго года прибавляется еще одинъ день — понедѣльникъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ является надобность въ новомъ изданіи Путеводителя, который выходитъ въ переработкѣ Е. Л. Петри и черезъ два года выдерживаетъ еще третье изданіе.

Здѣсь мы подходимъ къ поворотному пункту въ исторіи Музея.

Нѣкоторое упорядоченіе дѣла, нѣкоторое увеличеніе персонала и обогащеніе новыми коллекціями не только не удовлетворили всестороннимъ потребностямъ Музея, но еще болѣе обострили положеніе дѣла. Новыя коллекціи требовали новыхъ рабочихъ рукъ для регистраціи

и дальнѣйшаго расширенія помѣщенія. Чѣмъ болѣе приводились въ порядокъ старыя коллекціи, тѣмъ острѣе чувствовалась нужда въ новыхъ собраніяхъ, которыя дополнили бы картину быта того или другого народа, ту или другую ступень въ эволюціи общечеловѣческой культуры. Для всего этого требовались средства и средства. Стало очевиднымъ, что, безъ коренного измѣненія штатовъ, о надлежащей научной постановкѣ дѣла и рѣчи быть не можетъ. Но для введенія новыхъ штатовъ недостаточно бываетъ одного заявленія директора Музея. Какъ извѣстно, музеи еще до сихъ поръ въ Россіи не пользуются тѣмъ признаніемъ, какого они дѣйствительно заслуживаютъ по своему научному и воспитательному значенію, и на нихъ средства отпускаются крайне неохотно. Для того, чтобъ провести такое дѣло, какъ увеличеніе штатовъ, необходимо, и то съ надлежащаго разрѣшенія, предпринять цѣлый рядъ развѣдокъ, подавать записки, убѣждать, и, только добившись предварительнаго согласія Министерства Финансовъ, входить съ соотвѣтствующимъ представленіемъ, а когда всѣ эти мытарства пройдены, не надо жалѣть трудовъ, чтобы дѣло не застряло въ послѣдней инстанціи на цѣлые годы. Съ обычной энергіей и неутомимостью В. В. Радловъ принимается за дѣло. Докладная записка о новыхъ штатахъ, читанная имъ въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 14 января 1898 г., хорошо характеризуетъ какъ само положеніе Музея, такъ и отношеніе къ нему со стороны его ревностнаго преобразователя. Вотъ выдержки изъ этого интереснаго документа.

„На основаніи даннаго мнѣ разрѣшенія и съ соблюденіемъ постановленнаго мнѣ условія, я вступилъ въ личныя сношенія съ Г. Министромъ Финансовъ, а равно представилъ ему краткую записку о нуждахъ музея по антропологіи и этнографіи, составленную мною, по его

порученію и въ копіи при семъ прилагаемую. Я постарался выяснить слѣдующее:

....„Научное значеніе нашихъ коллекцій признано компетентными судьями западной Европы. Американцы не разъ уже являлись въ нашъ музей, изучали наши американскія коллекціи, снимали фотографіи и рисунки съ нашихъ вещей и находили unica, каторыхъ нѣтъ и въ богатыхъ американскихъ музеяхъ. Докторъ фонъ Лушанъ, хранитель африканскаго и полинезійскаго отдѣловъ Берлинскаго музея, былъ пораженъ богатсвомъ нашихъ собраній изъ Австраліи и Полинезіи; только за два предмета изъ коллекціи Каролинскихъ острововъ, какихъ имѣется у насъ 14 экземпляровъ, знатокъ этотъ предлагалъ полную коллекцію вещей южно-африканскихъ племенъ. Работающій въ настоящее время въ музеѣ докторъ Янко изъ Буда-Пешта посвятилъ два мѣсяца на изученіе нашихъ собраній по этнографіи финно-угорскихъ племенъ. Члены геологическаго конгресса, во время пребыванія ихъ въ Петербургѣ, были постоянными посѣтителями нашего музея. Кромѣ интересныхъ современныхъ собраній, въ нашемъ музеѣ имѣются коллекціи предметовъ, собранныхъ еще въ прошломъ столѣтіи у разныхъ народностей. Все это давно уже вышло изъ употребленія подъ вліяніемъ европейской культуры, проникшей къ первобытнымъ племенамъ. Достаточно привести въ примѣръ знаменитую коллекцію изъ 3-го путешествія капитана Кука (1776—1779 г.). Подобныхъ нельзя купить ни за какія деньги. Въ нашемъ музеѣ оставили слѣды своихъ трудовъ великіе русскіе изслѣдователи и путешественники прошлаго и текущаго столѣтія; все это — матеріалы для исторіи русской науки, памятники ума, безстрашія и усердія ея работниковъ.

„Императорская Академія наукъ прилагала доселѣ всѣ старанія къ расширенію собраній Этнографическаго

музея, но стремленія ея не могли осуществиться по причинѣ крайне скуднаго бюджета Музея по антропологіи и этнографіи. Бюджетъ нашъ равняется 2650 рублямъ въ годъ. Изъ нихъ 1400 рублей употребляются на жалованье двумъ ученымъ хранителямъ, 750 рублей уходитъ на ремонтъ инвентаря, прислугу и пріобрѣтеніе новыхъ коллекцій и 400 рублей, ассигнованные по особому Высочайшему повелѣнію, расходуются на наемъ сторожей въ дни открытія музея для публики. Нельзя не назвать такой бюджетъ крайне скуднымъ, если сравнить его съ другими. Для примѣра возьмемъ только музеи Копенгагенскій и Берлинскій Museum für Völkerkunde: первый имѣетъ бюджетъ въ 11,000 кронъ, второй въ 30,000 марокъ ежегодно и, кромѣ того, сверхсмѣтно ему ассигновано на 8 лѣтъ по 50,000 марокъ или около 40,000 рублей ежегодно. И тотъ, и другой тратятъ эти суммы исключительно на приращеніе собраній и выставку коллекцій. Содержаніе личнаго состава, канцелярскіе расходы и т. п. идутъ изъ другихъ суммъ.

„Прямыми послѣдствіями скуднаго бюджета нашего Музея являются: 1) невозможность систематически, планомѣрно пополнять коллекціи музея, и необходимость довольствоваться одними добровольными приношеніями, 2) недостаточное вознагражденіе служащихъ, вынуждающее ихъ искать постороннихъ заработковъ, смотря на службу въ музеѣ какъ на временную, въ ожиданіи лучшаго. Какъ ни цѣнны бываютъ приносимыя въ даръ любительскія собранія, въ нихъ почти всегда, какъ составленныхъ неспеціалистами, имѣются пробѣлы. Безъ пополненія ихъ, коллекція теряетъ въ полнотѣ; она недостаточна для научной разработки. При томъ напряженномъ интересѣ, съ которымъ теперь на западѣ слѣдятъ за русскою жизнью, особенно на Востокѣ, и за русскою наукой вообще, Музей не имѣетъ возможности препят-

ствовать вывозу русскихъ собраній за границу. Благодаря бѣдности нашего Музея цѣлыя громадныя области, какъ Кавказъ и Средняя Азія, у насъ вовсе не представлены; нѣтъ коллекцій и изъ многихъ внутреннихъ губерній.

„Ради удовлетворенія вышеизложенныхъ нуждъ Музея, я въ своей запискѣ Министру финансовъ представилъ проектъ нижеслѣдующаго временного бюджета Музея:

1) Жалованье администраціи:	
a) Старшему этнографу	2,800 руб.
b) Младшему „	1,500 „
2) На наемъ лицъ для каталогизаціи, мастеровъ для исправленія поврежденныхъ вещей и т. п...	1,500 „
3) На дополненіе инвентаря	600 „
4) На канцелярскіе расходы, фотографическія работы, переплеты, мелкіе расходы и т. д.	500 „
5) На служителей	500 „
6) На покупку новыхъ коллекцій и командировки съ этнографическими цѣлями	750 „
Итого	8,150 руб.

„Никто, надѣюсь, не сочтетъ этихъ требованій чрезмѣрными. Сравнимъ этотъ бюджетъ со смѣтой расходовъ по Зоологическому музею. Наша смѣта меньше почти вчетверо, а между тѣмъ никто не скажетъ, чтобы расходы на этнографическія коллекціи, классификацію и обработку ихъ были меньше, нежели смѣтныя назначенія на таковыя же потребности Музея зоологическаго“.

„Министръ финансовъ, внимательно выслушавъ меня, просмотрѣлъ мою записку, пожелалъ лично ознакомиться съ нашимъ Музеемъ и заявивъ, что если ходатайство о

нуждахъ Музея будетъ препровождено къ нему оффиціальнымъ порядкомъ, по начальству, то онъ разсмотритъ его съ достодолжнымъ вниманіемъ.

„Отъ Историко-филологическаго отдѣленія Императорской Академіи наукъ будетъ зависѣть дать дальнѣйшій ходъ настоящему ходатайству о нуждахъ Музея. Считаю необходимымъ присовокупить при этомъ, что только въ томъ случаѣ, если ходатайство наше будетъ заявлено до лѣтнихъ вакацій, новые штаты могутъ быть утверждены и войдутъ въ законную силу въ 1899 году. Впредь до рѣшенія этого вопроса я нынѣ же вынужденъ утруждать Отдѣленіе ходатайствомъ объ удовлетвореніи ближайшихъ потребностей Музея на текущій годъ, не ожидая рѣшенія общаго вопроса о новыхъ штатахъ.

„Въ прежнее время, когда личный составъ Музея состоялъ изъ директора и консерватора, когда, кромѣ переданныхъ имъ старыхъ коллекцій до 1836 года, ежегодно стали поступать новыя, администрація не имѣла силъ вести правильную запись поступленій и заняться разборомъ старыхъ коллекцій. Удовлетворяя требованію устава — выставлять коллекціи для публики, она отбирала лишь наиболѣе интересные экземпляры и выставляла ихъ, на сколько то позволяли средства и помѣщеніе въ шкафахъ и витринахъ. Благодаря этому обстоятельству въ Музеѣ накопился цѣлый рядъ неразобранныхъ и разрозненныхъ коллекцій, такъ какъ одна часть ихъ хранилась въ ящикахъ, а другая въ витринахъ. Вступивъ въ управленіе Музеемъ, я обратилъ главнымъ образомъ вниманіе на составленіе инвентаря, приведеніе въ извѣстность состава Музея и каталогизацію. Не останавливаясь на работахъ предыдущихъ лѣтъ, когда штатъ служащихъ Музея былъ не полонъ, я опишу результаты нашихъ работъ въ теченіе 1897 года, когда Музей работалъ при усиленномъ составѣ. Кромѣ двухъ консерва-

торовъ, гг. Руссова и Клеменца, и постоянно работающей въ музеѣ г-жи Петри, въ работахъ принималъ участіе лично я и двое любителей этнографіи. Мы поставили за правило непремѣнно регистрировать вновь поступающія коллекціи, а изъ прежнихъ обратиться къ разбору вещей, поступившихъ отъ Императорскаго Русскаго Географическаго общества. Намъ удалось занести въ инвертарные списки вновь поступившія коллекціи въ количествѣ 2000 №№ и разобрать большую часть собраній, доставленныхъ къ намъ чрезъ Императорское Русское Географическое общество, но ради достиженія этихъ результатовъ мы должны были поступиться весьма многимъ и существеннымъ. Мы должны были закрыть Музей для публики и обратить его въ складъ подлежавшихъ разбору коллекцій. Мы работали въ атмосферѣ, пропитанной нафталиномъ и другими антипаразитными препаратами. Нѣкоторыя вещи оказались зараженными молью, такъ что разработка была сопряжена съ рискомъ зараженія выставленныхъ уже коллекцій. О научной каталогизаціи нельзя было и думать; занумеровать предметъ, кратко описать и занести его въ списокъ — вотъ все, что можно было сдѣлать. Подобный способъ дѣйствій возможенъ былъ только въ качествѣ временной мѣры, и опытъ показалъ, что она не достигаетъ цѣли. Намъ неудобно оставлять Музей закрытымъ на неопредѣленное время; мы не можемъ расчитывать на безплатную добровольную помощь; вмѣстѣ съ тѣмъ, признавая всю важность каталогизаціи, нельзя въ то же время запускать ни дѣлопроизводства, ни сношеній съ корреспондентами. Наконецъ служащіе въ Музеѣ должны имѣть возможность слѣдить за наукой, развивающеюся чрезвычайно быстро; не слѣдящій за наукой этнографъ не можетъ, не имѣетъ права носить званія ученаго хранителя Музея при Императорской Академіи наукъ; досуга же для этого, при суще-

ствующемъ положеніи, у служащихъ музея быть не можетъ, какъ это легко выяснится изъ обзора предстоящихъ намъ каталогизаціонныхъ работъ.

„Коллекціи наши распадаются на три отдѣла: 1) вновь поступающія. Въ среднемъ, приходится въ годъ отъ 1000 до 2000 №№ изъ разныхъ мѣстностей. Здѣсь успѣшность регистраціи зависитъ отъ степени подготовки и образованія коллектора, знакомства самаго регистрирующаго съ данною народностью и страной. Небрежно, неумѣло составленные списки требуютъ сношеній съ коллекторами, литературныхъ справокъ, сличеній съ имѣющимся матеріаломъ; но во всякомъ случаѣ регистрація этихъ коллекцій наименѣе затруднительна.

2) Болѣе затрудненій представляютъ коллекціи, поступившія послѣ 1836 года, за недостаткомъ документовъ о происхожденіи и за невозможностью навести справки у коллекторовъ, которые или уже умерли, или потеряны изъ виду.

3) Разборка коллекцій, поступившихъ до 1836 года, представляетъ прямо таки архивную работу; между тѣмъ какъ среди нихъ заключается цѣлый рядъ драгоцѣнныхъ unica нашего Музея. Для опредѣленія происхожденія ихъ необходимы справки въ протоколахъ и въ архивѣ Академіи прошлаго и начала текущаго столѣтія, въ описаніи musei Petropolitani, а также изысканія въ архивахъ Эрмитажа, Адмиралтейства, въ трудахъ ученыхъ и путешественниковъ прошлаго столѣтія.

„Для того, чтобы подвинуть каталогизацію трехъ вышеозначенныхъ отдѣловъ коллекцій, не запуская въ то же время другихъ работъ по Музею, выставки коллекцій, дѣлопроизводства и канцеляріи, я считаю необходимыми двѣ мѣры: 1) улучшеніе матеріальнаго положенія нынѣшняго состава служащихъ и 2) увеличеніе рабочихъ силъ Музея. . . .

.... „Для увеличенія рабочаго состава прошу разрѣшить мнѣ изъ штатныхъ суммъ Музея употребить 300 руб. для привлеченія третьяго лица къ работамъ по вольному найму.

„Всего изъ остатковъ по личному составу прошу отпустить на нужды Музея въ текущемъ году 1000 рублей. При такомъ усиленіи средствъ я получу возможность сосредоточить занятія одного лица на разборкѣ старыхъ коллекцій по архивнымъ документамъ, при временномъ участіи г. Руссова, а послѣднему поручена будетъ главнымъ образомъ выставочная часть.

„То же лицо, которое будетъ заниматься старыми коллекціями, возьметъ на себя денежную отчетность, письмоводство и общій надзоръ за работами.

„Двухъ служащихъ я буду имѣть возможность опредѣлить къ пересмотру коллекцій новѣе 1836 года и вновь поступающихъ. Конечно, въ случаѣ наплыва новыхъ коллекцій, придется временно обратить на нихъ весь составъ рабочихъ силъ; но въ основныхъ чертахъ порядокъ занятій останется неизмѣненнымъ.

„Считаю долгомъ здѣсь же предупредить Историко-филологическое отдѣленіе, что въ случаѣ, если къ 1899 году останутся старые штаты для служащихъ Музея, я буду вынужденъ снова просить объ ассигнованіи мнѣ пособія въ указанномъ здѣсь размѣрѣ изъ остатковъ по личному составу, такъ какъ и съ этимъ пособіемъ приведеніе Музея въ порядокъ затянется не меньше, чѣмъ на 6-ть или 8-мь лѣтъ“.

4 іюля 1898 г. новые штаты были утверждены, съ нѣкоторыми лишь ограниченіями, урѣзавшими бюджетъ, намѣченный первоначально, на 4250 руб., но уже черезъ 3 года удалось провести эти штаты полностью. Музей отнынѣ получаетъ общую бюджетную сумму въ 11900 руб., изъ коихъ 5800 руб. на содержаніе трехъ

ученыхъ этнографовъ, 3000 р. на покупку новыхъ коллекцій, 2000 руб. на наемъ приватнаго персонала и 1100 руб. на хозяйственныя надобности. Съ этого момента Музей начинаетъ идти быстрыми и вѣрными шагами по пути своего развитія.

Прежде всего, конечно, было необходимо реорганизовать и увеличить ученый персоналъ, чтобы съ одной стороны привести къ скорѣйшему окончанію регистрацію запутанныхъ старинныхъ коллекцій Музея, требовавшихъ часто тяжелой архивной работы, съ другой — вести регистрацію и обработку вновь поступившихъ коллекцій, а равно и различныя текущія дѣла, въ числѣ которыхъ не послѣднее мѣсто занимали все возраставшія сношенія музея съ различными учрежденіями и лицами. Д. А. Клеменцъ былъ назначенъ старшимъ этнографомъ, а обязанности младшаго были раздѣлены между прежнимъ ученымъ хранителемъ Музея Ф. К. Руссовымъ и г-жой Е. Л. Петри. Для приведенія въ порядокъ и регистрированія коллекцій отдѣловъ Антропологическаго и Доисторической археологіи былъ приглашенъ окончившій Парижскую Антропологическую школу, Н. М. Могилянскій. Разработка и регистрированіе коллекцій по Сѣверо-Западной Америкѣ были поручены К. К. Гильзену, изучавшему еще раньше какъ нашъ матеріалъ по Сѣверо-Западной Америкѣ, такъ и однородныя коллекціи въ музеяхъ Западной Европы и Америки. Низшій персоналъ музея увеличенъ былъ вдвое.

Поставивъ на прочную ногу важнѣйшее дѣло — регистрацію коллекціи, привлекши въ Музей контингентъ компетентныхъ работниковъ, В. В. Радловъ въ 1899 г. принимается за другое важное дѣло, расширеніе помѣщенія Музея и полное переустройство его.

Затрудненій предстояло не мало. Прежде всего, разумѣется, необходимо было убѣдить Конференцію въ томъ,

что расширеніе помѣщенія Музея представляется дѣломъ крайней необходимости, ибо Академія тогда, какъ и въ настоящее время, менѣе всего была избалована обиліемъ свободныхъ помѣщеній. Не задолго до того, для установленія постояннаго общенія съ Конференціей, В. В. Радловъ добился учрежденія особой коммиссіи, состоявшей изъ 3-хъ членовъ III-го отдѣленія и 2-хъ — I-го для годичнаго обревизованія дѣятельности Музея. Въ этой Коммиссіи, воочію убѣдившейся въ безвыходномъ положеніи Музея, заграможденнаго выставленными и невыставленными коллекціями, директоръ находитъ полное сочувствіе и поддержку своему плану.

Въ результатѣ Конференція соглашается уступить нижній этажъ зданія Музея, служившій въ то время книжнымъ складомъ, для котораго директору пришлось и самому пріискивать новое помѣщеніе. Наконецъ, нижній этажъ былъ очищенъ, и можно было приступить къ переустройству Музея. Наступаетъ самый трудный періодъ въ исторіи преобразованія его. Прежде всего необходимо было меблировать новое помѣщеніе и притомъ желѣзными шкафами, такъ какъ оно предназначалось преимущественно для коллекцій гиперборейцевъ, коллекцій, изобилующихъ мѣховыми вещами, требующими герметическихъ помѣщеній. Между тѣмъ желѣзные шкафы вызывали огромные расходы, изъ которыхъ едва третья часть могла бы быть покрыта смѣтными суммами. Пришлось вступать въ обязательства, въ надеждѣ привлечь современемъ жертвователей, урѣзывать всѣ текущіе расходы, включая вознагражденіе персонала. Кромѣ финансовыхъ, предстояли еще и чисто техническія затрудненія. Нижній этажъ представлялъ собою помѣщеніе съ цѣлымъ рядомъ сводовъ, благодаря которымъ обычный типъ музейныхъ шкафовъ безусловно оказался непримѣнимымъ. Необходимо было изобрѣсть нѣсколько совершенно новыхъ об-

разцовъ шкафовъ, которые дали-бы возможность утилизировать мѣста, занимаемыя сводами,—задача тѣмъ болѣе трудная, что производство желѣзной мебели было тогда еще дѣломъ совершенно новымъ. Практика показала, что изготовленные по плану В. В. Радлова шкафы вполнѣ

отвѣчаютъ своему назначенію и составляютъ пріобрѣтеніе въ музейной техникѣ. Еще одинъ недостатокъ оставалось пополнить — это замаскировать уродливо зіявшія пустоты между сводами надъ шкафами. По совѣту художника С. М. Дудина, эти пустоты были задѣланы деревянными арками, обиты холстомъ и не только за-

полнили пустоты, но и послужили для развѣшиванія предметовъ, причемъ боковыя арки были заполнены пано этнографическаго содержанія.

Меблировка нижняго этажа была закончена къ осени 1901 г. Теперь только началась самая трудная часть дѣла — новое размѣщеніе коллекцій. Такъ-какъ перестановка собраній предполагалась коренная, и всѣ шкафы верхняго этажа подлежали полной передѣлкѣ, то всѣ коллекціи пришлось вынуть изъ шкафовъ и сложить въ ящики, съ тѣмъ чтобы по окончаніи ремонта помѣщенія и передѣлки шкафовъ всю груду музейнаго матеріала снова вынуть изъ ящиковъ и размѣстить заново въ научномъ порядкѣ. Трудно представить себѣ тотъ хаосъ и видъ запустѣнія, который на нѣсколько мѣсяцевъ принялъ Музей, когда коллекціи были убраны, шкафы валялись разобранными, и всякаго рода рабочіе съ утра до вечера толкались въ опустѣлыхъ, холодныхъ и осырѣвшихъ залахъ Музея. Вся тяжесть надзора за рабочими и распоряженія ими выпала на долю самого директора, потому-что какъ разъ въ этотъ критическій для Музея моментъ онъ остался почти совершенно одинъ.

Старшій этнографъ Д. А. Клеменцъ принялъ должность завѣдующаго Этнографическимъ отдѣломъ Музея Александра III, а вмѣстѣ съ нимъ ушелъ на должность хранителя того же Музея и Н. М. Могилянскій. Изъ другихъ его сотрудниковъ К. Ѳ. Руссовъ былъ прикованъ къ постели безнадежнымъ недугомъ, а К. К. Гильзенъ только въ свободные отъ службы въ другомъ учрежденіи часы могъ являться въ Музей, гдѣ, впрочемъ, онъ исполнялъ только спеціальную работу. Оставалась только одна г-жа Петри, на которой лежали всѣ текущія дѣла. Среди заботъ о переустройствѣ такимъ образомъ пришлось еще подумать о полномъ обновленіи ученаго персонала. На мѣста старшаго и младшаго этнографовъ были приглашены сначала Л. Я. Штернбергъ, извѣстный своими этнографическими и лингвистическими изслѣдованіями въ Приамурскомъ краѣ, и нѣсколько мѣсяцевъ спустя этнографъ Б. Ѳ. Адлеръ, докторъ Лейпцигскаго университета, ассистентъ Этнографическаго музея въ Лейпцигѣ.

Для завѣдыванія антропологическимъ отдѣломъ былъ приглашенъ д-ръ В. Ю. Лудевигъ. Къ ученому персоналу Музея присоединилась еще въ 1902 году г-жа Е. М. Романова, взявшая на себя трудную задачу упорядоченія архива и веденіе библіотеки, которую она изъ зачаточнаго состоянія довела безъ большихъ денежныхъ затратъ до состава въ количествѣ 1770 томовъ.

На переустройство Музея ушло почти два года упорнаго труда всего служебнаго персонала. Необходимо было предварительно спѣшно закончить регистрацію многихъ тысячъ предметовъ, остававшихся до этого времени не каталогизированными. Потребовалось, далѣе, весь музейный матеріалъ — много тысячъ предметовъ — разсортировать сначала по крупнымъ территоріямъ, затѣмъ по отдѣльнымъ культурно-этническимъ группамъ

и внутри каждаго подраздѣленія снова распредѣлить объекты по отдѣламъ и подъотдѣламъ культуры (жилища, одежда, утварь, украшенія, искусство, культъ и т. д.) и только по окончаніи этой кропотливой работы, можно было приступить къ размѣщенію коллекцій въ шкафахъ, сообразно предварительно составленному подробному плану. Кромѣ музейнаго персонала въ этой работѣ принимали участіе С. Ѳ. Ольденбургъ, принявшій участіе въ выставленіи, а впослѣдствіи и описаніи въ Путеводителѣ отдѣла буддизма, и художникъ С. М. Дудинъ, нарисовавшій цѣлый рядъ пано этнографическаго содержанія и вообще помогавшій совѣтомъ и дѣломъ во всѣхъ случаяхъ, когда требовалась помощь художника. Каковы бы ни были достоинства новаго размѣщенія коллекцій, неоспоримы двѣ особенности ея: 1) строго выдержанный культурно-этническій принципъ размѣщенія коллекцій, и 2) внутри каждой культурно-этнической группы расположеніе предметовъ исключительно по однородности ихъ назначенія и роли въ культурѣ, чѣмъ достигнута была не только возможно полная систематичность, но и наибольшая доступность предметовъ для обозрѣнія.

Вотъ вкратцѣ схема новаго распредѣленія коллекцій. Верхнія залы вмѣщаютъ въ себѣ буддизмъ (который занимаетъ также вестибюль и лѣстницу), Монголію, Японію, Корею, Китай, Индію и Индо-Китай, Малайскій архипелагъ, острова Тихаго океана, Австралію и Африку. Залы нижняго этажа — Сѣверную и Южную Америку, Сибирь, Среднюю Азію и сѣверное побережье Европы.

По окончаніи выставленія было приступлено къ изданію подробнаго Путеводителя съ объяснительнымъ текстомъ, составленнымъ В. В. Радловымъ, Л. Я. Штернбергомъ, Б. Ф. Адлеромъ и Е. Л. Петри, при участіи С. Ѳ. Ольденбурга. Изданіе въ 2000 экземпляровъ разошлось менѣе чѣмъ въ два года.

Съ переустройствомъ Музей обогатился и тремя рабочими кабинетами, а также и фотографической комнатой.

Нижній этажъ, прибавившій двѣ залы, лишь на короткое время удовлетворилъ нуждамъ Музея. Поступленія растутъ съ такой быстротой, что уже и теперь Музей совершенно переполненъ, и не хватаетъ мѣста для выставленія новыхъ коллекцій. Эта недостаточность выставочныхъ помѣщеній составляетъ въ настоящее время самый острый, злободневный вопросъ для администраціи Музея, не теряющей, впрочемъ, надежды изыскать тѣмъ или инымъ путемъ средства на возведеніе третьяго этажа и пристройку новаго флигеля къ нынѣшнему зданію Музея. Во всякомъ случаѣ временныя затрудненія, связанныя съ недостаточностью помѣщенія, нисколько не ослабили рвенія въ дѣлѣ увеличенія музейнаго матеріала. Выставленіе коллекцій, какъ это достаточно выяснилось въ теченіи послѣдняго 12-ти-лѣтняго періода дѣятельности Музея, отнюдь не составляетъ ни единственной, ни тѣмъ паче главнѣйшей задачи этнографическихъ музеевъ. Основная задача ихъ — накопленіе какъ можно болѣе обширнаго матеріала для выясненія великаго процесса эволюціи человѣческой культуры. Съ этой точки зрѣнія музей — прежде всего *лабораторія для спеціалистовъ*, заинтересованныхъ тѣми или другими проблемами эволюціи. А для такихъ спеціалистовъ важно не столько то, чтобы интересующіе ихъ объекты выставлены были въ шкафахъ, а прежде всего важна возможность быстро отыскать необходимые имъ экземпляры: для этого же требуется только раціональная система каталогизированія и аккуратное храненіе коллекцій.

Коснувшись вопроса о задачахъ Этнографическаго музея, здѣсь умѣстно будетъ отмѣтить, что, исходя именно изъ указаннаго пониманія музейныхъ задачъ,

нынѣшній „Музей Антропологіи и Этнографіи", съ самаго начала вступленія въ управленіе имъ В. В. Радлова, совершенно разстался со старымъ воззрѣніемъ на Музей, какъ на учрежденіе, задачи котораго касаются *преимущественно Россіи* [1]), ибо, если цѣль этнографическаго музея — построеніе эволюціи человѣческой культуры, то ареной дѣятельности его является весь міръ, и всякое принципіальное разграниченіе музейной дѣятельности отдѣльной территоріей или національностью совершенно извращаетъ основную задачу Музея, какъ научнаго учрежденія, посвященнаго проблемамъ эволюціи.

Вотъ почему Музей съ одинаковымъ рвеніемъ ищетъ необходимыхъ для него научныхъ матеріаловъ и вблизи, и вдали, въ близкой родной Россіи, и въ самыхъ отдаленныхъ чуждыхъ уголкахъ міра.

При такомъ отношеніи къ задачамъ Музея, видоизмѣнились и самые способы пріобрѣтенія новаго матеріала. Система пассивнаго выжиданія новыхъ поступленій смѣняется постепенно дѣятельной иниціативой. Со второй половины 90-хъ годовъ начинается цѣлый рядъ спеціальныхъ командировокъ и экспедицій въ самыхъ различныхъ направленіяхъ. Напомнимъ двухкратную командировку Д. А. Клеменца въ Монголію, извѣстную экспедицію того же лица въ Турфанъ, начавшую собою цѣлую эру открытій въ Восточномъ Туркестанѣ и послужившую ближайшимъ толчкомъ къ учрежденію Международнаго Союза для изученія Средней и Восточной Азіи; экспедиціи В. Л. Сѣрошевскаго и Б. О. Пилсудскаго къ айнамъ оо. Сахалина и Есо и перваго, кромѣ того, въ Маньчжурію; командировку д-ра Хута на Енисей,

1) Это воззрѣніе было закрѣплено въ самомъ названіи Музея, который именовался — „Музей по Антропологіи и Этнографіи *преимущественно Россіи*". Съ 1903 г. Музей переименованъ въ „Музей Антропологіи и Этнографіи имени Петра Великаго".

П. Е. Островскихъ въ Туруханскій край и къ алтайцамъ, Г. М. Осокина въ Монголію и Забайкалье, В. И. Анучина къ Енисейскимъ остякамъ, В. Н. Васильева къ якутамъ, Н. А. Шабунина и А. В. Журавскаго къ самоѣдамъ, г. Жамцаранова къ бурятамъ, В. И. Каменскаго съ археологическими цѣлями въ Нижегородскую губ., Д. Т. Яновича съ археологическими и этнографическими цѣлями въ Тверскую губ., художника С. М. Дудина въ Малороссію и т. д. На ряду съ самостоятельными командировками, Музей не упускаетъ случая использовать насколько возможно въ этнографическихъ цѣляхъ экспедиціи другихъ учрежденій. Особенныя услуги оказали въ этомъ отношеніи Музею экспедиціи Русскаго комитета для изученія Средней и Восточной Азіи, съ самаго начала своего основанія связаннаго съ Музеемъ въ лицѣ своего предсѣдателя В. В. Радлова. Эти экспедиціи дали Музею писаницы А. В. Адріанова, коллекціи В. И. Анучина, огромную коллекцію изъ раскопокъ профессора Пёмпелли въ Средней Азіи, бурятскіе онгоны г. Жамцаранова и т. д. Точно также Хатангская экспедиція Русскаго Географическаго Общества дали Музею гробницу тунгусскаго шамана и обширную коллекцію изъ быта долгано-якутовъ и тунгусовъ Туруханскаго края. Извѣстная американская экспедиція г. Джезупа, которая указаніямъ В. В. Радлова обязана лучшими своими сотрудниками—В. Г. Богоразомъ и В. И. Іохельсономъ, обогатила Музей значительной коллекціей изъ крайняго С. В. Азіи[1]). Впрочемъ, Музей и самъ не оставался въ долгу передъ учрежденіями, оказывавшими ему подобныя

1) Здѣсь умѣстно будетъ отмѣтить участіе ученаго персонала въ устройствѣ Этнографическаго отдѣла на „Первой всемірной выставкѣ костюмовъ“ и выставкѣ „Дѣтскій Міръ“, — участіе, которое обогатило Музей многими этнографическими матеріалами и большимъ количествомъ манекеновъ, пожертвованныхъ администраціей упомянутыхъ выставокъ.

услуги, такъ какъ, помимо посильнаго матеріальнаго содѣйствія, онъ обыкновенно бралъ на себя самую трудную задачу, именно, подготовленіе тѣхъ лицъ, которыя должны были вести попутно со своими прямыми обязанностями и этнографическую работу.

Вообще же подготовленіе не только командируемыхъ лицъ, но и всѣхъ, обращающихся за этнографическими указаніями, составляетъ регулярную функцію ученаго персонала Музея. Опытъ показалъ, что никакія общія инструкціи недостаточны для вполнѣ научнаго этнографическаго собиранія, и что на ряду съ общими основами собирателю необходимо преподать самыя подробныя указанія, спеціально касающіяся той народности, которую онъ собирается изучать, и сверхъ того такія указанія необходимо сопровождать демонстраціями въ Музеѣ. Работа — не легкая и сопряженная съ большей потерей времени, но въ высшей степени плодотворная по своимъ результатамъ: это въ достаточной мѣрѣ доказано цѣлымъ рядомъ коллекцій, которыя получаются отъ лицъ предварительно обученныхъ — такія собранія выгодно отличаются полнотой, систематичностью и цѣннымъ объяснительнымъ матеріаломъ, часто совершенно отсутствовавшимъ въ старыхъ любительскихъ коллекціяхъ.

Наконецъ, среди мѣръ для увеличенія музейнаго матеріала, съ особеннымъ успѣхомъ примѣнявшимися за послѣдній періодъ, нужно отмѣтить — энергичное привлеченіе жертвователей, результаты котораго будутъ указаны ниже особо по отдѣламъ, и, наконецъ, обмѣнныя сношенія съ другими музеями.

Такія сношенія завязаны съ музеями: Museum für Völkerkunde въ Берлинѣ, American Museum of Natural History въ Нью-йоркѣ, Grassi Museum въ Лейпцигѣ, куда спеціально въ разное время были командированы

лица ученаго персонала, и съ Museo de la Plata въ Буэносъ Айресѣ.

Наконецъ, изъ музейныхъ предпріятій самаго послѣдняго времени слѣдуетъ упомянуть про „Очередныя выставки новыхъ поступленій въ Большомъ Конференцъ-залѣ Академіи Наукъ". При недостаточности помѣщенія въ зданіи Музея, такія выставки являются естественнымъ дополненіемъ самого Музея и даютъ возможность спеціалистамъ и большой публикѣ знакомиться съ новѣйшимъ этнографическимъ матеріаломъ втеченіи перваго года его полученія. Первая очередная выставка продолжалась съ 21 ноября по 21 декабря 1906 г. и, судя по интересу, вызванному ею, она вполнѣ оправдала труды ея устроителей.

Если мы оглянемся на послѣднее двѣнадцатилѣтіе исторіи Музея Антропологіи и Этнографіи—періодъ дѣятельности В. В. Радлова въ качествѣ его директора—, то не можемъ не удивляться, какими ничтожными матеріальными средствами достигнуты столь значительные научные результаты.

Двѣнадцать лѣтъ въ исторіи музея, считающаго свое существованіе почти двумя столѣтіями — незамѣтное мгновеніе; но двѣнадцать лѣтъ для вымирающихъ племенъ или побѣдоноснаго шествія культуры, смывающей послѣдніе остатки первобытной жизни, — огромная величина. И нельзя не поставить въ заслугу В. В. Радлову, что, не считаясь ни съ матеріальными средствами Музея, ни съ его тѣснымъ помѣщеніемъ, онъ оставался вѣренъ девизу, которымъ долженъ руководствоваться каждый директоръ музея: собирать, собирать и собирать!

Ростъ Музея по Отдѣламъ.

Американскіе народы. Къ тому времени, когда В. В. Радловъ вступилъ въ управленіе Музеемъ, Отдѣлы обѣихъ Америкъ въ этнографическомъ отношеніи представляли такую картину.

Изъ обширныхъ областей Южной Америки только Бразилія могла похвалиться значительными и интересными собраніями, большая часть которыхъ (112) поступила въ Музей въ 1791 г. отъ проф. Aranjajo. Послѣднее незначительное поступленіе (30 предметовъ, отъ лейтенанта Загоскина) въ этотъ Отдѣлъ относится къ 1839 году.

Богатое царство *Инковъ* было представлено единственной коллекціей (62 пред.) изъ кругосвѣтнаго путешествія академика Леопольда Шренка.

Центральная Америка въ лицѣ высоко культурной Мексики фигурировала нѣсколькими десятками глиняныхъ фигурокъ новѣйшаго типа и однимъ только древнимъ каменнымъ изображеніемъ, поступившими въ Кунсткамеру еще въ 1783 г.

Что касается *С. Америки*, то весь востокъ, сѣверъ и вся внутренность огромнаго материка совершенно не имѣли представителей, если не считать двухъ, правда, очень интересныхъ, но небольшихъ коллекцій изъ быта *канадцевъ* и *ирокезовъ*.

За то поразительно богато, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи, было представлено сѣверо-западное побережье включительно до Калифорніи.

Это не было случайностью. На этомъ побережьи на протяженіи болѣе 75 лѣтъ подвизалось нѣсколько поколѣній русскихъ мореплавателей, дѣятелей Россійско-Американской компаніи и, наконецъ, научныхъ изслѣдователей, изъ которыхъ самымъ незабвеннымъ для Музея останется навсегда зоологъ академіи И. Г. Вознесенскій, собранія котораго съ береговъ С.-З. Америки и крайняго С.-Востока Азіи являются прекраснымъ памятникомъ старыхъ академическихъ экспедицій.— Коллекціи этого отдѣла представляли лучшее украшеніе Музея, но собирались они втеченіи почти цѣлаго вѣка (послѣднія поступили въ 1891 г. черезъ Географическое Общество), значительная часть поступила то изъ Адмиралтейскаго департамента, то черезъ Министерство двора, то черезъ Россійско-Американскую компанію; документовъ почти не было, боль-

шая часть вещей оставались не опредѣленными, и ни одна коллекція не была регистрирована. На эту сторону — опредѣленіе и регистрированіе естественно и было обращено все вниманіе. Музею очень посчастливилось въ лицѣ К. К. Гильзена найти человѣка, который не только взялся за ничтожное вознагражденіе посвятить свой досугъ приведенію въ порядокъ этихъ цѣнныхъ собраній, но и съ особенной любовью отдавался своему дѣлу, предпринявъ на свой счетъ нѣсколько путешествій заграницу и въ С. Америку для выясненія сомнительныхъ объектовъ.

Къ 1902 году эта работа вчернѣ была закончена, и къ сожалѣнію отъѣздъ К. К. Гильзена изъ Петербурга помѣшалъ ему довести свою кропотливую работу до полнаго окончанія.

Переустройство Музея, связанное съ меблировкой новаго этажа и полной перестановкой всѣхъ коллекцій, втеченіи свыше 3-хъ лѣтъ поглотило все вниманіе и время музейнаго персонала. Только съ 1903 года поэтому можно было начать думать о расширеніи и дополненіи коллекцій американскаго отдѣла. Съ этого времени мы, дѣйствительно, и видимъ безпрерывный ростъ послѣдняго.

Въ 1903 г. отъ профессора Германа Мейера поступаетъ въ даръ большая коллекція (206 предм.) изъ Цен-

тральной Бразиліи, собранная самимъ жертвователемъ среди крайне первобытныхъ племенъ области р. Шингу, такъ недавно только открытыхъ для науки послѣ знаменитыхъ путешествій профессора фонъ-денъ-Штейнена. Прекрасное дополненіе къ старой кунсткамерской коллекціи изъ Бразиліи, это богатое собраніе представляетъ совершенно самостоятельный интересъ по систематичности подбора предметовъ изъ всѣхъ областей быта (оружіе, орудія, утварь, украшенія, орнаментъ, культъ — маски, изображенія божествъ и пр.). Еще болѣе цѣнно, что собраніе это вполнѣ выяснено въ работахъ самого собирателя и его предшественниковъ.

Въ томъ же году въ отдѣлъ Перу поступилъ отъ того же собирателя крайне рѣдкій экземпляръ скальпа, препарированный въ видѣ миніатюрной головки съ волосами, носимой въ качествѣ амулета на поясѣ.

Въ 1904 году Отдѣлъ Южной Америки обогащается коллекціями г. Менгельбира, пріобрѣтенными на средства, пожертвованныя профессоромъ Германомъ Мейеромъ, изъ Чили, Боливіи и Перу (606 предм.). Самая значительная часть этихъ собраній представляетъ бытъ племени *арауканов*ъ въ Чили: ткацкій станокъ, варіететы тканей, большой подборъ т. наз. *пончо* (древне-перуанскій типъ одежды), ковры, попоны, орнаментированные пояса, наборы принадлежностей верховой ѣзды съ богатой отдѣлкой, болласы, оригинальное собраніе утвари, музыкальные инструменты, предметы культа. Изъ этихъ послѣднихъ обращаетъ на себя особое вниманіе гигантскій надгробный памятникъ — изображеніе предка, живо рисующій оригинальныя кладбища *арауканов*ъ.

Другая часть этихъ собраній относится къ области археологіи: каменныя и костяныя орудія и рыболовныя принадлежности изъ Чили и, наконецъ, прекрасные образцы керамики древне-перуанскаго типа.

Въ видѣ дополненія къ этимъ собраніямъ г. Менгельбиръ въ томъ же году пожертвовалъ значительное собраніе (74 предм.) серебрянныхъ издѣлій чилійцевъ (преимущественно украшенія, но также оружіе и посуда), представляющихъ любопытное соединеніе европейскихъ вліяній съ древне-американскими мотивами въ формахъ и орнаментѣ.

Въ 1905 году являются первыя поступленія изъ наименѣе извѣстныхъ частей Южной Америки и до того совершенно не представленныхъ въ Музеѣ — изъ Патагоніи, Огненной земли и Гранъ-Чако. Хотя всего въ этихъ коллекціяхъ 63 предмета, но они подобраны такъ, что даютъ достаточное представленіе объ интереснѣйшихъ представителяхъ пале-американцевъ — *огнеземельцевъ* и *южно-патагонцевъ*, бытъ которыхъ (въ особенности орудія морской охоты) такъ поучительно сравнивается въ Музеѣ съ бытомъ другого окраиннаго народа Америки — эскимосовъ. — Гранъ-Чако представлено преимущественно оружіемъ.

Способъ пріобрѣтенія этихъ собраній — обмѣнъ съ Museo de la Plata — даетъ основаніе надѣяться, что на этомъ поступленія изъ этой области не остановятся.

Наконецъ, въ 1906 г., по счастливой случайности, Музею досталась въ даръ большая коллекція изъ Эквадора. Она была собрана въ началѣ 1880-хъ годовъ барономъ Г. Г. Гинцбургомъ во время путешествія его по Южной Америкѣ и до послѣдняго времени лежала не распакованной, и только въ этомъ году брату собирателя, Д. Г. Гинцбургу, пришлось заняться ею, послѣ чего она была передана въ даръ Музею. Она заключаетъ образцы первобытныхъ матерій изъ луба (тапа), примитивныя одежды изъ этой послѣдней съ древними орнаментами, множество предметовъ украшеній изъ перьевъ, надкрылій, иголъ дикобраза, стеклянныхъ и растительныхъ бусъ,

раковинъ и т. д. Другая часть представляетъ ткани и одежды, частью европейскаго уже типа, утварь, керамику, издѣлія изъ кости и т. п., всего до 300 предметовъ.

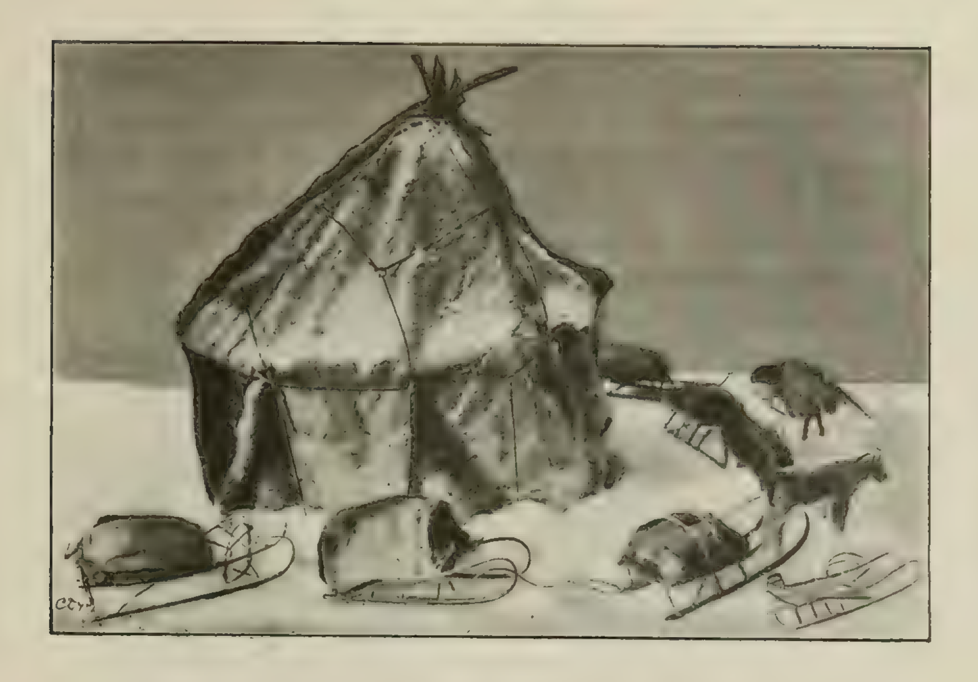
За тѣ-же годы происходилъ соотвѣтственно и ростъ коллекцій изъ *С. Америки.* Первое маленькое, впрочемъ, поступленіе было отъ А. Н. Казнакова, пожертвовавшаго нѣсколько стрѣлъ и предметовъ культа индѣйцевъ Yellow Stone Park. Въ 1905 году, съ цѣлью ознакомленія съ американскими музеями и устройства обмѣнныхъ съ ними сношеній, былъ командированъ въ Соединенные Штаты старшій этнографъ Музея Л. Я. Штернбергъ. Обмѣнъ завязался съ American Museum of Natural History въ Нью-Іоркѣ, который въ томъ-же году, кромѣ большой коллекціи по китайской керамикѣ (см. Китай), выслалъ 7 коллекцій: 1) изъ быта равнинныхъ индѣйцевъ, 2) группы лѣсныхъ индѣйцевъ—алгонкиновъ, 3) группы лѣсныхъ индѣйцевъ — атабаска, 4) индѣйцевъ с.-западнаго побережья, 5) древнюю керамику изъ долины Огайо, 6) эскимосовъ Аляски, центральныхъ и гренландскихъ и 7) мексиканцевъ, всего свыше 200 предметовъ.

Для Музея особенно цѣнны предметы изъ быта *равнинныхъ* индѣйцевъ, въ частности предметы изъ кожи буйвола, совершенно нынѣ истребленнаго, символическіе орнаменты на одеждахъ и утвари, принадлежности культа. Далѣе, важна эскимосская коллекція, такъ какъ богатыя музейныя собранія изъ быта этого племени всѣ происходили изъ Аляски, теперь же оно представлено въ Музеѣ въ полномъ его этнографическомъ протяженіи отъ Берингова пролива до Гренландіи включительно.

Азіатская Россія. Народы крайняго Сѣверо-востока Азіи. Та же причина, которая въ свое время привела къ обогащенію Музея собраніями съ С.-Западнаго побережья американскаго континента, дѣйствовала и на азіатскомъ побережьи Великаго океана. Богатыя собранія изъ быта азіатскихъ

эскимосовъ, исчерпывающее собраніе луковъ, стрѣлъ (каменныхъ и костяныхъ), расшитыхъ колчановъ *чукчей* и *коряковъ* датирують, начиная знаменитыми кругосвѣтными путешествіями конца XVIII-го и начала прошлаго вѣка и кончая путешествіями зоолога И. Г. Вознесенскаго. Но, начиная съ 40-хъ годовъ, поступленія изъ крайняго С. В. Азіи прекратились, если не считать 7 предметовъ И. Д. Черскаго въ 1894 г., почти совершенно. Возобновленіе ихъ принадлежитъ уже другой эпохѣ и другому типу собирателей. Въ 1898 году этнографъ Н. Л. Гондатти, прожившій въ Анадырскомъ краѣ около 3-хъ лѣтъ въ качествѣ начальника округа, принесъ въ даръ Музею 14 коллекцій изъ быта обитателей Анадырскаго края — *чукчей, ламутовъ, коряковъ, кереков, юкагировъ, русскихъ и обрусѣлыхъ инородцевъ* Анадырскаго округа, свыше $2^1/_2$ тыс. предметовъ, въ томъ числѣ всѣ средства передвиженія и жилища въ натурѣ, не считая многочисленныхъ моделей. По огромному количеству собраннаго ма-

теріала, по полнотѣ и систематичности подбора это лучшая въ Музеѣ коллекція, и со временъ экспедиціи Леопольда Шренка — первая коллекція, собранная опытнымъ этнографомъ вполнѣ методически. Изъ собраній г. Гондатти лучшей, почти исчерпывающей нужно считать коллекцію изъ быта *чукчей*. Высоко цѣня коллекціи г. Гондатти, В. В. Радловъ вскорѣ по полученіи поторопился опубликованіемъ ихъ, поручивъ это дѣло такому знатоку чукчей, какъ В. Г. Богоразъ, работа котораго составила первый выпускъ „Матеріаловъ Музея". Судьба съ тѣхъ поръ стала благопріятствовать крайнему С. В. Азіи. Въ 1898 г. В. И. Іохельсонъ пожертвовалъ коллекцію изъ юкагирскаго быта, изъ которой особенно цѣнны идеограммы на берестѣ. Въ 1899 г. отъ инженера К. И. Богдановича поступаетъ въ даръ отличное собраніе одеждъ камчатскихъ *ламутовъ*. Въ 1901 г. является обширная (179 предм.) коллекція изъ быта *чукчей* морского побережья

между бухтой Провидѣнія и бухтой Колючинской, собранная и принесенная въ даръ А. Г. Мягковымъ и дополняющая собранія г. Гондатти. Въ общей сложности чукотскій бытъ, если принять во вниманіе, что въ обладаніи Музея имѣются старинныя, нынѣ уже ненаходимыя болѣе собранія временъ Вознесенскаго и его предшественниковъ, въ настоящее время представленъ въ нашемъ Музеѣ полнѣе, чѣмъ гдѣ либо. Послѣднимъ крупнымъ пріобрѣтеніемъ изъ крайняго Сѣверо-востока Азіи Музей обязанъ слѣдующему обстоятельству. Въ 1900 г., по иниціативѣ В. В. Радлова, были приглашены профессоромъ Францомъ Боасомъ въ Нью-Іоркѣ В. Г. Богоразъ и В. И. Іохельсонъ, въ качествѣ членовъ извѣстной Джезуповской экспедиціи, долженствовавшей обслѣдовать оба побережья сѣверной части Великаго океана, причемъ было выговорено, что всѣ дублеты коллекцій названныхъ изслѣдователей изъ С.-В. Азіи поступятъ въ Музей. По окончаніи экспедиціи, когда итоги ея были подведены, г. Джезупомъ, президентомъ American Museum of Natural History, были поднесены въ даръ Государю и затѣмъ переданы въ Музей слѣдующія коллекціи: 1) предметы изъ быта *обрусѣлыхъ анадырцевъ*, 2) предметы изъ быта *коряковъ* и 3) 24 гипсовыхъ бюста, изготовленныхъ по подлиннымъ маскамъ *тунгусовъ*, *коряковъ*, *юкагировъ*, *чукчей*, *эскимосовъ* и *якутовъ*, — всего свыше 300 предметовъ. Изъ болѣе мелкихъ пріобрѣтеній за этотъ періодъ отмѣтимъ собраніе одеждъ *ламутовъ*, даръ А. И. Громовой (1903 г.).

Народы Приамурскаго края. Уже и въ предшествующій періодъ Отдѣлъ этотъ былъ однимъ изъ наиболѣе полно представленныхъ въ Музеѣ. Изъ быта *гилякъ* имѣлись превосходныя, систематически собранныя коллекціи академика Леопольда Шренка, (преимущественно съ Амура) и д-ра П. И. Супруненка съ о-ва Сахалина. *Ороки* (преимущественно по культу) были представлены коллекціей

И. С. Полякова, а *гольды* и другія *тунгусскія* племена — собраніями изъ экспедиціи Р. К. Маака. Изъ быта *айновъ* имѣлось нѣсколько собраній разныхъ періодовъ — Адмиралтейскаго Музея и Вознесенскаго (Курильскіе о-ва), А. В. Григорьева (о. Есо), д-ра Супруненко (о. Саха-

линъ), и И. С. Полякова (археологія). Но въ общей сложности это замѣчательное племя не было представлено съ той полнотой, какой оно заслуживало. Для пополненія этого пробѣла въ теченіи 1902—1906 г. были снаряжены на средства, пожертвованныя профессоромъ Гансомъ Мейеромъ двѣ экспедиціи въ территоріи *айновъ* — Б. О.

Пилсудскаго на о. Сахалинѣ и В. Л. Сѣрошевскаго на о. Есо — обогатившія Музей исчерпывающими коллекціями изъ быта этого племени. Особенно полно представлены культъ и орнаментъ. Эта, нынѣ первая коллекція въ мірѣ, занимаетъ въ Музеѣ 14 глубокихъ витринъ, причемъ далеко не все выставлено.

Отдѣлъ *гольдовъ* за этотъ періодъ обогатился значительнымъ собраніемъ орнаментированныхъ одеждъ и др. предметовъ быта изъ Царской коллекціи 1896 г.

Тунгусы собственно и долганы. Довольно богатый, но разрозненный отдѣлъ тунгусскаго племени составился изъ разновременно поступившихъ коллекцій, начиная съ немногихъ остатковъ собраній академическихъ экспедицій XVIII в., къ которымъ постепенно прибавились коллекціи: д-ра Кастрена съ Енисея, Русскаго Географическаго Общества, д-ра А. А. Бунге, Р. К. Маака и другихъ собирателей. Въ частности *долганы* были представлены нѣсколькими расшитыми костюмами изъ экспедиціи д-ра Кастрена и одиимъ богатымъ костюмомъ отъ Императора Александра II-го (1865 г.). Изъ поступленій послѣдняго періода отмѣтимъ слѣдующія: собраніе изъ 50 предметовъ и 36 фотографій тунгусо-якутскихъ съ побережья Ледовитаго океана отъ барона Толля (1894 г.),

полный шаманскій костюмъ изъ Туруханскаго края отъ П. Попова (1896 г.), 22 предмета изъ быта Южно-Енисейскихъ тунгусовъ отъ д-ра Гута (1897 г.), тунгусскій костюмъ съ р. Сыма (Зап. Сиб.) отъ г-жи Степановой (1899 г.), нѣсколько богато орнаментированныхъ предметовъ *долганъ* отъ П. Е. Островскихъ (1900 г.), прекрасное собраніе одеждъ съ побережья Ледовитаго океана изъ послѣдней экспедиціи барона Толля (1902 г.), гробикъ съ муммифицированнымъ трупикомъ тунгусской дѣвочки и полными къ нему погребальными принадлежностями, а также собраніе стрѣлъ и археологическихъ предметовъ съ береговъ Байкала, отъ д-ра Н. А. Панова (1903 г.), наконецъ, въ 1906 г. поступила самая значительная во всѣхъ отношеніяхъ коллекція, собранная по инструкціямъ Музея В. Н. Васильевымъ, участникомъ Хатангской экспедиціи Географическаго Общества. Въ отличіе отъ прежнихъ разрозненныхъ и потому дефектныхъ собраній, эта коллекція представляетъ съ достаточной полнотой всѣ стороны быта *тунгусовъ* и частью *долганъ* Туруханскаго края. Но особенно выдающуюся цѣнность ея представляютъ предметы культа: подлинная гробница долгано-якутскаго шамана съ оградой къ ней, жертвенными изображеніями, внутреннимъ гробомъ, костякомъ, погребальными принадлежностями, далѣе, большое собраніе до того совершенно неизвѣстныхъ и крайне интересныхъ изображеній шаманскихъ геніевъ-покровителей, посоховъ, жезловъ и другихъ принадлежностей шаманскаго культа,—собраніе тѣмъ болѣе цѣнное, что для всѣхъ объектовъ имѣются достаточныя объясненія ихъ назначенія и смысла. Съ пріобрѣтеніемъ этой новой коллекціи, и до того богато представленное въ Музеѣ тунгусское шаманство является лучшимъ собраніемъ этого рода въ настоящее время.

Енисейскіе остяки. Въ предшествующій періодъ это замѣчательное племя совершенно не было представлено въ

Музеѣ, если не считать нѣсколькихъ незначительныхъ предметовъ изъ экспедиціи Кастрена. Втеченіи 1900—1901 гг. являются первыя поступленія — четыре большихъ идола и три шаманскихъ птицы отъ П. Е. Островскихъ. Въ 1904 г., по предложенію В. В. Радлова, Русскій Комитетъ для изученія Средней и Восточной Азіи снарядилъ двухгодичную экспедицію В. И. Анучина для изученія этого наименѣе извѣстнаго племени палеазіатовъ въ лингвистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. По порученію и на средства Музея, изслѣдователь этотъ, согласно даннымъ ему подробнымъ инструкціямъ, собралъ полную и чрезвычайно интересную коллекцію, часть которой, подробно описанная, уже получена въ Музеѣ: портреты, фотографіи, одежды, украшенія, орнаментъ, культъ.

Въ виду значительнаго обрусѣнія и окончательнаго вымиранія этого племени, коллекція эта, вѣроятно, является послѣдней представительницей его въ музеяхъ.

Финнскія племена. *Остяки.* Бытъ этого племени до 1894 г. былъ представленъ главнымъ образомъ собраніями: А. В. Адріанова (модели, оружіе, пряжа, утварь, орнаментированная береста и пр., всего 67 предметовъ, полученныхъ черезъ Географическое Общество) и И. С. Полякова (орудія, пряслица и пр.).

За послѣднія 12 лѣтъ поступили слѣдующія собранія: въ 1895 г. — 17 предметовъ отъ П. Е. Островскихъ; втеченіи 1897—1900 гг. — орнаментированныя одежды и бисерныя украшенія (12 пред.) изъ Тобольскаго округа отъ С. К. Патканова; въ 1899 г. — берестяная лодка изъ Томской губ. отъ А. В. Адріанова; въ 1901 г. — собраніе одеждъ, оружія, рыболовныхъ принадлежностей, музыкальныхъ инструментовъ и пр. (всего 40 пред.) отъ магистра Сиреліуса; въ 1904 г. — вышитыя одежды изъ Березовскаго округа отъ М. А. Елачича и въ 1904 г. — большая коллекція — свыше 100 предметовъ изъ разныхъ

сторонъ быта, въ томъ числѣ первый шаманскій бубенъ весьма оригинальной формы, — отъ г. Дунинъ-Гаркавича.

Вогулы до настоящаго времени представлены 2-мя собраніями отъ Географическаго Общества (1891 г.) — зимняя одежда, головные уборы, бисерныя украшенія, берестяная посуда, письмена на дощечкахъ и пр. (всего 79 пред.). Въ 1901 г. прибавилось нѣсколько предметовъ отъ магистра Спреліуса.

Лопари представлены отличными собраніями отъ Географическаго Общества (1891 г.) — одежды, украшенія, модели жилищъ и средства передвиженія, утварь, лодки-сани въ натуральную величину, рѣдкія шаманскія принадлежности и пр. (150 пред.). — Новыхъ поступленій не было.

Самоѣды. Отъ предшествующаго періода имѣлись разрозненные предметы, преимущественно одежды и нѣсколько идоловъ безъ всякаго опредѣленія. Нынѣшняя богатая коллекція образовалась въ самые послѣдніе годы. Въ 1903 и 1904 гг. пріобрѣтено хорошее собраніе одеждъ и др. предметовъ быта отъ самоѣда Е. И. Ледкова. Въ 1905 г. поступило большое собраніе самоѣдскихъ и зырянскихъ вещей отъ командированнаго Музеемъ д-ра Поле; часть этого собранія пошла въ обмѣнъ съ Музеемъ Естествознанія въ Нью-Іоркѣ. Но лучшимъ украшеніемъ этого отдѣла являются коллекціи А. В. Журавскаго, доставившаго въ началѣ 1906 г. свое первое собраніе въ 200 предметовъ и съ тѣхъ поръ состоящаго въ постоянной командировкѣ отъ Музея въ Печорскомъ краѣ, продолжая все время доставлять новыя собранія. Самое цѣнное въ этихъ коллекціяхъ — предметы культа, чрезвычайно трудно добываемые (бубны, шаманскія облаченія, идолы, фетиши, амулеты), далѣе, украшенія, орнаментъ, тамги, наконецъ, оригинальное собраніе всѣхъ видовъ куколъ. Въ этомъ же году командированъ былъ къ самоѣдамъ

художникъ Н. А. Шабунинъ, который, кромѣ интереснаго собранія съ Канинской тундры, добылъ и вывезъ цѣлое самоѣдское мольбище, состоящее изъ множества интересныхъ идоловъ и жертвоприношеній. Такимъ образомъ шаманство европейскихъ самоѣдовъ будетъ представлено въ Музеѣ съ исчерпывающей полнотой. Для собиранія среди сибирскихъ самоѣдовъ снаряжается особая экспедиція въ январѣ 1907 г.

Тюркскіе народы. *Якуты* до 1894 г. были представлены главнымъ образомъ собраніями изъ Вилюйской экспедиціи Маака, полученными черезъ Географическое Общество (преимущественно оружіе, костяныя и серебряныя издѣлія, принадлежности верховой ѣзды, отчасти одежды), далѣе, моделями посуды (отъ Берга), жилищъ (изъ Эрмитажа). Очень дефектными оставались отдѣлы одежды, утвари, рѣзьбы и, наконецъ, культа. Новыя поступленія начинаются съ 1894 г. съ якуто-тунгусской коллекціи бар. Толля (см. выше). Въ 1896 г. поступаетъ изъ большой Царской коллекціи хорошее собраніе художественныхъ издѣлій изъ мамонтовой кости. Въ 1903 г. скудное собраніе одежды пополняется богатымъ костюмомъ невѣсты съ дорогимъ наборомъ серебряныхъ украшеній (даръ корреспондента Музея А. И. Громовой) и другимъ очень хорошимъ костюмомъ невѣсты, пріобрѣтеннымъ на Костюмной выставкѣ. Но самыя важныя пріобрѣтенія отно-

сятся къ послѣднимъ двумъ годамъ. Въ 1905 г. поступаютъ собранныя во время Хатангской экспедиціи, по инструкціямъ Музея, В. Н. Васильевымъ собранія изъ быта якутовъ на крайнемъ Сѣверо-Западѣ ихъ осѣдлости, гдѣ въ лицѣ долганъ ихъ культура смѣшалась съ культурой тунгусской. Въ этихъ собраніяхъ особенно цѣнны и по внутреннему ихъ значенію, и какъ предметы, впервые появляющіеся въ музеяхъ, деревянныя изображенія разныхъ духовъ, рѣдкія шаманскія принадлежности и жертвоприношенія, при томъ достаточно подробно выясненныя. Гробница шамана, о которой мы говорили выше, одинаково относится какъ къ якутамъ, такъ и къ долганамъ. Наконецъ, въ концѣ 1906 г. отъ того же собирателя, спеціально командированнаго Музеемъ въ Якутскую область, поступило значительное собраніе (до 500 предметовъ) — рѣзная утварь, серебряныя издѣлія, и, наконецъ, шаманскія одежды съ объясненіями всѣхъ многочисленныхъ принадлежностей ихъ. Изъ отдѣльныхъ мелкихъ пріобрѣтеній заслуживаетъ вниманія тетрадь съ идеограммами отъ Э. К. Пекарскаго.

Абаканцы, *черневые татары*, *сойоты* и др. Отъ предшествующаго періода имѣлись скудныя, разрозненныя собранія, преимущественно полученныя черезъ Географическое Общество. Съ 1894 г. начинается собственно ростъ этого отдѣла, и до сихъ поръ, впрочемъ, очень неполнаго. Въ 1894 г. отъ Е. Г. Спирина изъ быта *качинцевъ* получается въ даръ очень дорогой костюмъ свахи, сѣдло и всѣ къ нему принадлежности верховой ѣзды съ богатой серебряной отдѣлкой. Въ томъ же году пріобрѣтена отъ П. Е. Островскихъ большая коллекція изъ быта *качинцевъ*, *сагаевъ*, *бельтировъ*, около 90 предметовъ, заключающихъ, кромѣ хорошо подобранныхъ объектовъ матеріальнаго быта, очень цѣнное собраніе принадлежностей шаманскаго культа. Въ 1897 г. отдѣлъ обога-

щается значительнымъ собраніемъ (51 предм.) изъ быта *сойотовъ* отъ Г. М. Осокина (кромѣ чисто бытовыхъ предметовъ — полный шаманскій костюмъ и бубенъ). Въ 1895 г. поступаетъ изъ Царской коллекціи хорошее собраніе вышитыхъ предметовъ и другихъ принадлежностей быта. Въ 1904 г. отъ А. В. Адріанова поступилъ

альбомъ орнаментовъ. Самое замѣчательное въ этомъ отдѣлѣ — это костюмы и росписные бубны шамановъ и собраніе хорошо объясненныхъ фетишей и амулетовъ.

Киргизы. Образованіе и ростъ этого отдѣла относится почти исключительно къ послѣднему періоду. Въ 1897 г. поступаетъ древняя желѣзная кольчуга; въ 1898 г. —

5 коллекцій отъ К. Н. де-Лазари изъ быта киргизовъ Семирѣченской области—ткани, образцы пряжи, одежды, утварь, ковры, войлоки, росписная кровать, металлическіе столбы юрты, музыкальные инструменты, серьги, табакерки, шаманскій жезлъ, амулеты и пр.; въ томъ же году отъ гг. Биркимбаева и Имамбаева изъ Тургайской обл. — 57 предметовъ (модель юрты, чепракъ, головной уборъ невѣсты, серьги, колыбель, пояса и пр.); нѣсколько менѣе значительныхъ коллекцій поступили съ 1898 по 1902 г. отъ Г. М. Осокина (мужской костюмъ изъ Кобдоскаго округа), отъ г. Ермолина (головной уборъ невѣсты съ Алтая), отъ Л. С. Берга и др.

Народы Центральной Азіи. Болѣе значительныя коллекціи полковника Громбчевскаго изъ быта *канджутовъ* (одежды, утварь, амулеты, украшенія, оружіе — всего 70 предм.) и 36 предметовъ изъ Хивы и Бухары относятся къ предшествующему періоду и получены отъ Географическаго Общества. Изъ новѣйшихъ пріобрѣтеній заслуживаютъ упоминанія: 2 костюма изъ Турфана отъ г. Осокина (1898 г. и 1899 г.), отъ адмирала Посьета музыкальные инструменты и собраніе калебасовъ (1899 г.); принадлежности соколиной охоты у сартовъ (21 пред.), собранныя С. М. Дудинымъ (1903 г.); 27 предметовъ изъ быта Горныхъ таджиковъ отъ Я. С. Эдельштейна (1905 г.) и большая коллекція древней керамики (свыше 400 предм.), собранная, на средства Е. И. Александера, С. М. Дудинымъ (1905 г.).

Буддійскій отдѣлъ въ Музеѣ относится къ наиболѣе древнимъ частямъ его. Интересъ къ „мунгальскимъ“ идоламъ явился почти одновременно съ началомъ собиранія китайскихъ предметовъ. Впрочемъ, во времена Кунсткамеры не поступило ни одной спеціальной коллекціи по буддійскому культу, а предметы этого рода сопровождали

соотвѣтственныя коллекціи. Только такія большія коллекціи, какъ Палласа, полковника Ладыженскаго, барона Шиллинга фонъ Канштадтъ, вмѣщали въ себя значительное количество предметовъ буддійскаго культа. Многія изъ прежнихъ коллекцій погибли, и до конца прошлаго столѣтія дошло только незначительное количество предметовъ. Изъ кунсткамерскаго состава сохранилось нѣсколько цѣнныхъ и большихъ бронзовыхъ бурхановъ и серіи четокъ (до пожара). Изъ предметовъ, находившихся въ Кунсткамерѣ послѣ пожара, осталось 98 бурхановъ и др. предметовъ культа, собранныхъ у калмыковъ и монголовъ (Мюллеръ въ 1748 г., Палласъ 1770 г. и т. д.). Часть этихъ предметовъ была изображена и описана въ трудахъ Палласа.

Эти коллекціи уже въ то время состояли изъ значительнаго числа бурхановъ, иконъ, молитвенныхъ барабановъ и ламскихъ одеждъ и облаченій. Въ 1889 году поступила *первая* систематическая, спеціально ламайская коллекція, пріобрѣтенная у кн. Э. Э. Ухтомскаго. Она сразу дала колоритъ всему отдѣлу, пополнивъ громадные пробѣлы въ немъ. Черезъ годъ поступила коллекція отъ наслѣдницъ проф. И. П. Минаева, В. П. и А. П. Шнейдеръ. Обѣ коллекціи состояли преимущественно изъ бронзовыхъ бурхановъ и отчасти иконъ на холстѣ.

За 1894—6 года въ Музей не поступало вовсе предметовъ буддійскаго культа, только съ 1897 г. снова начался притокъ предметовъ въ буддійскій отдѣлъ музея. Самъ директоръ передалъ въ 1896 г. изъ своей Орхонской экспедиціи нѣсколько глиняныхъ субургановъ и иконокъ, а въ 1897 году поступили первые предметы отъ энергичнаго сотрудника Музея Г. М. Осокина. Такъ, имъ была доставлена серія деревянныхъ фигурокъ, моделей, изображающихъ участниковъ мистеріи Цамъ (85 предметовъ). Въ слѣдующемъ 1898 году отъ него

же поступили частью въ оригиналахъ, частью въ моделяхъ бурятскія богослужебныя принадлежности. Экспедиція ученаго хранителя Д. А. Клеменца, принимавшаго вообще дѣятельное участіе въ пополненіи буддійской коллекціи музея, въ Турфанъ въ 1898 г. дала Музею первое богатое собраніе образцовъ древнебуддійскаго искусства въ видѣ фресокъ изъ пещерныхъ монастырей Турфанскаго оазиса. Эта же экспедиція явилась преддверіемъ къ серіи аналогичныхъ экспедицій въ тѣ же мѣста, совершенныхъ отъ 1900 по 1906 г. нѣмцами, японцами и, наконецъ, русской экспедиціей, руководимой въ настоящее время М. М. Березовскимъ.

Вывезенныя Д. А. Клеменцомъ фрески были впослѣдствіи скопированы художникомъ С. М. Дудинымъ и залиты въ гипсъ, и такимъ образомъ будутъ сохранены для науки. Одновременно съ этимъ въ теченіе всего 1899 года продолжали поступать значительныя коллекціи отъ Г. М. Осокина и отъ другого жертвователя г-на Лушникова изъ Кяхты, привлеченнаго Д. А. Клеменцомъ. Отъ г-на Лушникова поступила коллекція оригинальныхъ масокъ, носимыхъ участниками мистеріи Цамъ. Въ 1900 году тѣ же жертвователи пополняли свои присланныя ранѣе коллекціи цѣнными предметами (маски для цама, иконы). Боксерское возстаніе и пожаръ Пекина дали возможность музею пріобрѣсти отъ г-на Бородавкина поясъ изъ человѣческихъ костей, надѣваемый при богослуженіи.

Съ 1902 года, когда въ университетѣ каѳедра монгольскаго языка была поручена пр. доц. А. Д. Рудневу, стали поступать отъ него и его учениковъ и друзей (Муромскій, Киселевъ, Шулынгинъ, Джунгоруевъ, Шангинъ) цѣнныя коллекціи по буддійской иконографіи. Такъ, въ 1902 г. поступила отъ А. Д. Руднева систематическая коллекція матеріаловъ и инструментовъ,

употребляемыхъ бурятскими иконописцами. Этотъ матеріалъ былъ обработанъ А. Д. Рудневымъ въ „Сборникѣ Матеріаловъ музея“, № 5.

При выставленіи и опредѣленіи матеріала, находящагося въ буддійскомъ отдѣлѣ, были приняты во вниманіе данныя буддійской иконографіи, что придало этому отдѣлу ту научную окраску, которой раньше ему не доставало. Переустройство всего Музея коснулось также и буддійскаго отдѣла, который былъ совершенно выдѣленъ и систематически выставленъ. Японскій буддизмъ (коллекція барона Штакельберга, переданная черезъ Географическое общество), ламайская иконографія, металлическіе и глиняные бурханы, предметы буддійскаго богослуженія, алтарь, вывезенный полковникомъ Ладыжинскимъ изъ Пекина въ 1833 г., и ламская одежда выставлены въ отдѣльныхъ витринахъ и шкапахъ. Послѣдующіе годы, т. е. съ 1903—1906 буддійскій отдѣлъ непрерывно обогащался, какъ путемъ пожертвованій, такъ и покупками. Куплена была у г-на Егорова шелковая накидка съ бурхана (1904 г.), у г-на Горбатовскаго была пріобрѣтена старинная бронзовая фигура бурхана Авалокитешвары временъ Вейской династіи. Въ томъ же 1904 г. поступила цѣнная коллекція отъ директора Тифлисскаго музея А. Н. Казнакова, состоящая изъ предметовъ буддійскаго и брахманскаго культа. Въ ней заключалось первое ядро коллекціи по сіамскому буддизму, которому суждено выростн, благодаря только что поступившей коллекціи Н. И. Воробьева въ сравнительно очень полное и разностороннее собраніе. За послѣдніе же годы отдѣлъ ламайской медицины, которая была намѣчена еще въ прошломъ вѣкѣ въ коллекціи Зерзинова, выросъ благодаря поступленію коллекціи д-ра Н. В. Кириллова (въ 1903 г.) и г-на Николаевскаго (въ 1906 г.).

Разносторонній ростъ буддійскаго отдѣла расширилъ

и пополнилъ ядро, уже имѣвшееся въ Музеѣ. Этотъ же ростъ дастъ возможность приступить, наконецъ, подъ руководствомъ академика С. Ѳ. Ольденбурга, къ научной

разработкѣ и каталогизаціи накопленнаго богатаго матеріала.

Китай, Японія, Корея, Индія и Индо-китай. Послѣднее десятилѣтіе существованія Этнографическаго Музея отличалось особенно интенсивнымъ ростомъ отдѣловъ, характеризующихъ бытъ народовъ культурнаго Востока Азіи и Европы. Образовались цѣлые систематическіе отдѣлы по областямъ, по которымъ до того времени не имѣлось ни

одного предмета. Такъ сразу въ музеѣ появился богатѣйшій болгарскій отдѣлъ, переданный изъ Эрмитажа, такъ образовались отдѣлы русскій и эстонскій, сіамскій, индо-китайскій, индійскій и т. д. Въ болѣе счастливыхъ условіяхъ съ самаго начала основанія Кунсткамеры и до послѣдняго времени находились отдѣлы китайскій и отчасти японскій. Уже Петръ Великій охотно собиралъ разныя китайскіе бездѣлушки и раритеты, которые поступили впослѣдствіе въ музей. Его вельможи, а затѣмъ его царственные преемники охотно покупали и дарили музею именно китайскія вещи, которыя въ то время очень цѣнились и были въ модѣ.

Этотъ односторонній ростъ *китайскаго* отдѣла въ ущербъ остальнымъ отдѣламъ далъ къ концу XVIII столѣтія почтенную цифру въ 387 номеровъ (всего въ музеѣ было 911 предметовъ). Не удивительно поэтому, что народъ называлъ этнографическій отдѣлъ Кунсткамеры „китайскимъ музеемъ". Къ 1877 году, т. е. ко времени переустройства и образованія отдѣльнаго и независимаго Этнографическаго Музея китайскій отдѣлъ продолжалъ преобладать. Онъ состоялъ къ тому времени: 1) изъ древнихъ коллекцій Кунсткамеры: предметы художественной промышленности: бронза, агальматолитъ, нефритъ, слоновая кость, дерево, фарфоръ; платье (особенно цѣнны три древнихъ костюма Минской династіи); 2) изъ первой систематической коллекціи полковника Ладыженскаго (1833), 3) изъ коллекціи барона Шиллинга фонъ Канштадтъ (1840), 4) изъ большой коллекціи Россійской Православной Миссіи въ Пекинѣ, собранной для Азіатскаго Департамента (1842) и 5) изъ мелкихъ случайныхъ поступленій. За все время существованія Кунсткамеры и Этнографическаго Музея, изъ богатаго китайскаго отдѣла были взяты предметы для праздника свадьбы въ Ледяномъ домѣ, для этнографиче-

ской китайско-японской выставки въ пользу Краснаго Креста въ 70-хъ годахъ и русской этнографической выставки, организованной Дашковымъ въ Москвѣ (въ 1867 г.).

За все это время китайскій отдѣлъ не переставалъ быть собраніемъ разныхъ раритетовъ и курьезовъ. Научная же систематизація относится всецѣло къ послѣднему десятилѣтію. Видъ прежняго музея рисуетъ, какъ красивые китайскіе предметы служили украшеніемъ карнизовъ шкафовъ и стѣнъ: даже не всѣ китайскіе предметы были сконцентрированы въ одномъ мѣстѣ. Заслуга управленія послѣднихъ лѣтъ заключается, какъ въ увеличеніи самихъ коллекцій, такъ и въ болѣе систематическомъ подборѣ ихъ и, наконецъ, въ регистраціи и систематическомъ выставленіи. Уже въ 1896 г. новому директору удалось пополнить китайскій отдѣлъ большой коллекціей, пожертвованной Государемъ Николаемъ II (Китай 47, Японія 138 предметовъ). Затѣмъ слѣдуетъ большой перерывъ, когда поступленіе китайскихъ предметовъ совершалось очень слабо, и Музей всѣ свои силы направилъ къ выставленію имѣвшагося у него значительнаго матеріала. 1903 годъ, время спокойной дѣятельности Музея, сразу начинаетъ обогащать музей: отъ проф. П. Шмидта изъ Владивостока поступаетъ коллекція дасоскихъ картинъ и рисунковъ (40 предметовъ), отъ В. Л. Сѣрошевскаго богатая маньчжурская коллекція (75 №№), отъ штабсъ-капитана Гудзенко китайская коллекція съ Квантунскаго полуострова (425 предметовъ), отъ инженера Беккера (44 №№) коллекція театральныхъ и уличныхъ типовъ, коллекція Е. И. Александера (35 №№), коллекція китайской керамики, полученная въ обмѣнъ отъ American Museum of Natural History (118 №№) входъ въ китайскую фанзу, доставленный А. Т. Бѣльченко изъ Пекина и т. п. Въ настоящее время

одинъ этотъ отдѣлъ (къ 1878 г., т. е. году образованія самостоятельнаго Этнографическаго Музея, во всѣхъ отдѣлахъ числилось 5249 №№ имѣетъ приблизительно 4000 номеровъ, т. е. онъ выросъ въ общемъ почти вдвое, весь каталогизированъ, систематично выставленъ,

насколько позволяетъ тѣсное помѣщеніе и, доступенъ для научной обработки.

Слабѣе представленъ отдѣлъ *японскій*. Первые начатки его восходятъ, вѣроятно, къ тѣмъ же временамъ, когда образовался и отдѣлъ китайскій; быть можетъ даже, что въ то время часто смѣшивались тѣ и другія вещи.

Изъ наиболѣе крупныхъ поступленій прежняго времени слѣдуетъ отмѣтить даръ Лаксмана въ 1794 и подарокъ Екатерины II-ой, которой поднесъ свои японскіе предметы д-ръ Штютцеръ въ 1795 г. Ростъ этого отдѣла совершался скачками. Въ 60-хъ годахъ были переданы изъ Географическаго Общества коллекціи барона Шта-

кельберга и адм. Посьета, но наиболѣе важное пріобрѣтеніе заключалось въ дарѣ нынѣ царствующаго Императора Николая II, передавшаго Музею большую коллекцію японскаго лаку, куколъ, вѣеровъ, моделей и др. Росту этого отдѣла, начавшему оживать, въ послѣдніе годы нанесенъ былъ сильный подрывъ начавшейся неудачной

русско-японской войной, послѣдствія которой сказываются до сего времени на почти полномъ отсутствіи

поступленій японскихъ предметовъ. Изъ поступленій послѣднихъ лѣтъ необходимо однако отмѣтить цѣнныя, старинныя гравюры, подарокъ г-на Хассегава изъ Фукуи въ Японіи, и предметы культа лисицы и фаллоса, привезенные В. Л. Сѣрошевскимъ изъ его путешествія въ 1903 г. въ Японію[1]).

Что касается роста *корейскаго* отдѣла, то онъ, за исключеніемъ предметовъ, переданныхъ Азіатскимъ Департаментомъ Музею еще въ 40-хъ годахъ и нѣкоторыхъ предметовъ, собранныхъ Леонтьевымъ и д-ромъ Рончевскимъ, всецѣло образовался изъ цѣннаго дара К. И. Вебера, русскаго посланника въ Кореѣ, передавшаго въ Музей свой старинный корейскій фарфоръ въ 1892 г. Такимъ образомъ, корейскій отдѣлъ остался въ своемъ прежнемъ зачаточномъ состояніи.

Нѣчто совсѣмъ другое мы видимъ въ отдѣлахъ *индійскомъ* и *индо-китайскомъ*. Благодаря энергіи В. В. Радлова, эти отдѣлы, насчитывавшіе ранѣе по 1—20 пред-

1) По приблизительному подсчету въ японскомъ отдѣлѣ насчитывается около 800 предметовъ, т. е. отдѣлъ, несмотря на неблагопріятныя условія, выросъ въ три раза.

метамъ (двѣ ступки изъ слоновыхъ клыковъ, и рѣзной ящикъ), приняли характеръ систематическихъ коллекцій. Государемъ Николаемъ II были пожертвованы сіамскія вещи (предметы роскоши), д-ръ Ягоръ изъ Берлина подарилъ богатую коллекцію по Индіи, лейпцигскій про-

фессоръ Гансъ Мейеръ поднесъ Музею богатѣйшую (до 400 пр.) коллекцію индокитайскихъ одеждъ, съ Международной рыболовной выставки поступила коллекція сіамскихъ рыболовныхъ принадлежностей, отъ А. Н. Казнакова, барона Стаэль фонъ-Гольштейна и рус-

скаго консула Некрасова въ Бомбеѣ, поступили, наконецъ, коллекціи по брахманизму. Въ послѣднее время есть надежда и на пріобрѣтеніе большой коллекціи съ Цейлона, Сіама, Китая и Японіи, собранной Н. И. Воробьевымъ — такимъ образомъ и маленькій цейлонскій отдѣлъ, едва намѣченный въ Музеѣ и являющійся въ зародышѣ (коллекція отъ бр. Хэтъ, купленная съ Костюмной выставки въ 1903 г.), будемъ надѣяться, разовьется и представитъ намъ одинъ изъ интереснѣйшихъ въ этнографическомъ отношеніи уголковъ міра. Оба отдѣла — индійскій вмѣстѣ съ Цейлономъ и индо-китайскій, связывающій азіатскій культурный поясъ съ полукультурной Индонезіей, въ настоящее время насчитываютъ приблизительно до 1000 предметовъ.

Отдѣлъ монголовъ - кочевниковъ и бурятъ выросъ на глазахъ съ первыхъ же лѣтъ директорства В. В. Радлова. Основаніе этому отдѣлу положено еще во времена Кунсткамеры, но такъ какъ коллекціи, повидимому, состояли главнымъ образомъ изъ одежды и предметовъ, подверженныхъ порчѣ, то многое погибло отъ времени. Изъ наиболѣе древнихъ монгольскихъ вещей до насъ дошли предметы ламайскаго культа, собранные Палласомъ у калмыковъ въ 1770 г., часть коллекцій того-же характера Мюллера (1848) и, наконецъ, значительная коллекція бурятскихъ предметовъ Хлѣбникова (1837), коллекціи Титова (1865) и нѣсколько одеждъ, подаренныхъ тойоновымъ хоринскихъ бурятъ.

Небольшое количество предметовъ, бывшее въ этомъ отдѣлѣ до 1894 г. (къ началу XIX ст. въ отдѣлѣ было вмѣстѣ съ предметами буддійскаго культа, выдѣленнаго нынѣ въ отдѣльный большой и богатый отдѣлъ — всего 97 предметовъ), выросло въ настоящее время во внушительное собраніе, характеризующее бытъ монголовъ-кочевниковъ. Изъ коллекцій послѣдняго вре-

мени слѣдуетъ назвать дары Г. М. Осокина, Лушникова, Петрова, А. Д. Руднева, д-ра Кириллова (ламайская медицина), Муромскаго, Киселева (калмыки Астрах. губ.). Коллекція къ сожалѣнію, плохо доступна обозрѣнію, такъ какъ за недостаткомъ мѣста принуждена ютиться въ одномъ шкафу. Въ настоящее время въ отдѣлѣ числится приблизительно 400 №№

Такимъ образомъ, народы восточно-азіатскаго культурнаго пояса представлены богато и полно. Единственный значительный пробѣлъ чувствуется въ японскомъ и корейскомъ отдѣлахъ, которые придется пополнить при первой же возможности.

Китайскій отдѣлъ существовалъ и раньше, японскій намѣчался, монгольскіе предметы (особенно культъ) интересовали уже давно ученыхъ, — не такъ дѣло обстояло съ **русскимъ отдѣломъ**. Повседневное, къ чему человѣкъ привыкъ и присмотрѣлся, не обращало вниманія ученыхъ,— въ результатѣ одна за другой исчезали характерныя, но важныя въ этнографическомъ отношеніи черты быта русскаго народа. Время шло, несмотря на то, что и названіе музея съ 1878 г. указывало на его служеніе „преимущественно русской“ этнографіи, а этнографія русскаго племени въ Музеѣ и не намѣчалась. Правда, и въ прежнія времена, во времена Кунсткамеры, существовали отдѣльные предметы (одежда) изъ быта чувашей, мордвы, черемисовъ и т. д., но собственно русское населеніе вовсе не было представлено.

Музей Географическаго Общества, который собиралъ русскія вещи, прекратилъ свое существованіе, и благодаря энергіи В. В. Радлова и его предшественника Л. фонъ Шренка, Этнографическій музей принялъ въ наслѣдство богатыя коллекціи Географическаго Общества. Такимъ образомъ получилась, наконецъ, возможность представить и коренное населеніе Россіи. Со вре-

мени передачи этихъ коллекцій, ростъ русскаго отдѣла ни на минуту не прекращался. Поступили коллекціи С. М. Дудина (малороссы), Н. М. Могилянскаго (малороссы), Мошкова (бѣлоруссы), студента Павловича (малороссы въ 1906 г.), А. В. Журавскаго (старообрядцы на Печорѣ до 600 пр. въ 1906 г.), коллекціи русскихъ кружевъ (до 1000 образцовъ изъ разныхъ губерній отъ М. К. Каблуковой-Горбуновой 1903 г.), отъ худ. И. А. Шабунина (200 пр. 1904 и 5 гг.), А. Ѳ. Остроградскаго (до 200 предметовъ въ 1905 г.). Одновременно шло обогащеніе русскаго отдѣла путемъ привлеченія коллекцій по быту западныхъ и приволжскихъ финновъ Европейской Россіи. Создался богатый отдѣлъ финскій, подаренный и отчасти пріобрѣтенный у д-ра Швиндта изъ Гельсингфорса. Далѣе былъ собранъ сторожемъ музея Саминовымъ значительный матеріалъ по эстамъ, обитающимъ на о-вахъ Моонъ и Эзель.

Отдѣлъ приволжскихъ финновъ намѣченъ былъ еще во времена Кунсткамеры. Такъ, упоминается, что изъ Кунсткамеры были выданы на маскарадъ, по случаю свадьбы въ Ледяномъ домѣ, мордовскіе костюмы. Послѣдніе понравились при дворѣ и больше уже не вернулись въ музей. Наиболѣе цѣнный и старинный предметъ въ отдѣлѣ, повидимому, мордовскій женскій головной уборъ, привезенный Палласомъ въ 1770 г. Есть правда, указаніе на то, что при разборкѣ на одномъ изъ костюмовъ, имѣющихся на лицо, былъ найденъ ярлычекъ (?) съ помѣткой, что костюмъ былъ въ употребленіи на маскарадѣ, но уже при послѣдующей разборкѣ, при окончательномъ выставленіи, этихъ данныхъ установить больше не удалось. Въ новѣйшее время отдѣлъ пополнился значительной коллекціей мордовскихъ вышивокъ изъ Казанской губ., собранныхъ М. А. Елачичемъ въ 1903 г. и коллекціей мордовскихъ костюмовъ Завраж-

нева изъ Самарской губ. (1906) и его же коллекціей чувашскихъ „ириковъ" изъ той же губерніи.

Остальные отдѣлы Евр. Россіи росли слабо. Кавказская коллекція утрачена почти цѣликомъ (подъ 1844 г. упоминается поступленіе кавказскихъ одеждъ отъ г-на Коленати—40 предметовъ). Вновь поступили въ 1904 г. превосходныя модели жилищъ горцевъ Кавказа отъ полковника Вырубова. — Совершенно заново создались коллекціи по быту крымскихъ татаръ и гагаузовъ Бессарабской губерніи.

Несмотря на значительные пробѣлы и отсутствіе системы, русскій (велико-бѣло-малороссы и семейскіе русскіе Сибири), финскій (финны, эсты и финны Поволжья), татарскій, кавказскій и др. отдѣлы являются весьма цѣннымъ и необходимымъ матеріаломъ для работъ по сравнительной этнографіи.

Крайне цѣннымъ дополненіемъ является пожертвованіе Государемъ Николаемъ II *болгарской* коллекціи, поднесенной императору Александру II-му болгарскимъ народомъ въ день 25-ти лѣтія его царствованія. Несмотря на ея односторонность (предметы роскоши и одежда), коллекція настолько велика и цѣнна, что ей нѣтъ равной и въ самой Болгаріи. Дополненіемъ къ болгарской коллекціи служитъ коллекція г-на Лаврова по Македоніи (поступила въ 1903 г.).

Являясь дополненіемъ къ русскому отдѣлу, болгарская и македонская коллекціи представляютъ для сравнительно-этнографическихъ задачъ неисчерпаемый источникъ поучительнѣйшихъ примѣровъ, заимствованій въ области общенія народовъ.

Отдѣлы Малайскаго архипелага, островов Тихаго океана, Австраліи и Африки — областей, съ которыми русскому музею труднѣе всего завязывать сношенія — естественно не могутъ претендовать на планомѣрное развитіе, какое выпало, на-

примѣръ, на долю отдѣловъ, относящихся къ нашимъ сибирскимъ инородцамъ. Въ большей своей части эти отдѣлы Музея носятъ, поэтому характеръ случайный и ни по полнотѣ, ни по обширности своихъ коллекцій далеко не могутъ соперничать съ соотвѣтст вующими отдѣлами большихъ западно-европейскихъ музеевъ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя коллекціи представляютъ громадный интересъ и по своему составу, и по именамъ собирателей, а равно и по заключающимся въ нихъ „unica“. Таковы, напр., коллекціи Кука, Крузенштерна, Лисянскаго, Литке и др. Происхожденіе этихъ собраній можно прослѣдить назадъ вплоть до 1777 года, когда I. P. Форстеръ, сопровождавшій Кука въ его второмъ путешествіи, подарилъ Кунсткамерѣ три образца тапы съ о-ва Отаити. Вскорѣ за этимъ, въ 1780 году, Кунсткамера обогащается уже цѣлой коллекціей Кука, вывезенной изъ 3-го его путешествія. Коллекція эта была подарена преемникомъ Кука, капитаномъ Клеркомъ, управлявшему тогда Камчаткой майору Бёму въ благодарность за дружескій пріемъ, оказанный кораблямъ Кука. Коллекція эта, среди которой особенно цѣнны предметы съ незадолго передъ тѣмъ открытыхъ Сандвичевыхъ острововъ, была первой изъ Куковскихъ коллекцій, попавшей въ Европу. Въ 1802 году въ Кунсткамеру поступаетъ ново-зеландскій идолъ; въ 1807 г. — коллекція Лисянскаго съ Сандвичевыхъ и Маркизскихъ о-въ. Въ 1809 — три идола и образцы тапы съ различныхъ о-въ Тихаго океана. Въ 1811 г. почетный перяной нарядъ съ Сандвичевыхъ о-въ, подаренный королемъ Камеамеа I директору Русско-американскихъ колоній Булдакову. Въ 1814 г.—предметы съ Нукагивы изъ экспедиціи Крузенштерна. Главное же обогащеніе падаетъ на 1827 г., когда упраздненный Музей Адмиралтейскаго департамента переслалъ въ Кунсткамеру до 1300

различныхъ этнографическихъ предметовъ, среди которыхъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимаютъ коллекціи съ

о-въ Тихаго океана. Наконецъ въ 1831 г. поступила цѣнная и обширная коллекція капитана Литке, главнымъ образомъ съ Каролинскихъ о-въ. Эти двѣ послѣднія коллекціи, какъ обнимающія собою цѣлую обширную область, и явились исходною точкою для дальнѣйшаго развитія океанійскихъ коллекцій Музея.

Что касается Африки, то въ Кунсткамерѣ этотъ отдѣлъ почти отсутствовалъ. Первая коллекція изъ 12 предметовъ относится къ 1819 году; вслѣдъ за нею поступаетъ коллекція въ 31 предметъ отъ капитана Головина. На этомъ Африканскія коллекціи останавливаются на долгіе годы.

Таковъ былъ составъ коллекцій описываемаго нами отдѣла до 1837 года, когда изъ бывшей Кунсткамеры началъ выдѣляться спеціально этнографическій музей.

Во второй періодъ существованія Музея, съ 1837 по

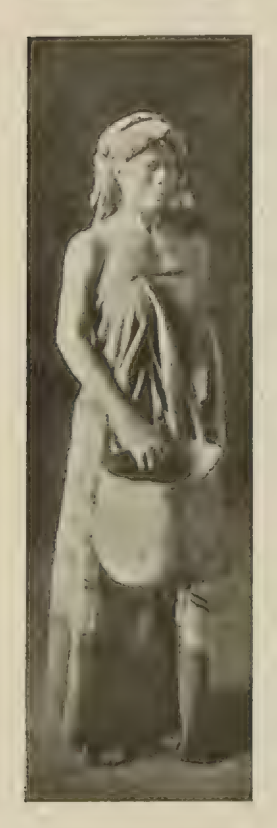
1878 г., отдѣлы Африки и Океаніи почти не пополняются, причемъ обогащенія падаютъ на этотъ разъ главнымъ образомъ на Африку; такъ въ 1838 г. поступаетъ коллекція Френа — предметы арабовъ; въ 1862 г. отдѣльные предметы изъ Западной и Центральной Африки, путемъ обмѣна съ Копенгагенскимъ музеемъ; въ 1866 г. — 24 предмета изъ Западной Африки отъ французскаго капитана Гарро. На 1870 г. падаетъ начало коллекцій Малайскаго архипелага, а именно 24 предмета съ Сѣверн. Целебеса отъ Риделя, а въ 1876 г. — 36 предметовъ изъ Борнео и Суматры отъ кап. Дорнинка.

Всѣ старинныя коллекціи, составлявшія цѣнное ядро для дальнѣйшаго развитія, не были въ свое время обезпечены надлежащей регистраціей. При различныхъ перемѣщеніяхъ изъ одного зданія въ другое, а часто и просто при магазинированіи за недостаткомъ мѣста въ сундукахъ, которымъ не разъ подвергались этнографическія коллекціи, утеривались часто всякіе слѣды провенанса, и даже тамъ, гдѣ имѣлись оригинальныя описи, или болѣе или менѣе точныя указанія въ архивѣ Музея, не всегда можно было изъ хаоса разрозненныхъ, перемѣшанныхъ изъ разныхъ областей коллекцій установить съ достовѣрностью соотвѣтствующій указанію предметъ. Такимъ образомъ особенныя трудности, при начавшейся съ управленіемъ В. В. Радлова регистраціи, представляли именно эти старинныя коллекціи Музея. При ихъ выставленіи прежніе хранители руководствовались различными соображеніями, не имѣвшими часто никакого отношенія къ провенансу коллекцій; такимъ образомъ, коллекціи одного и того же собирателя, изъ одной и той же области разбивались и попадали въ различные шкафы и витрины. Предметы при этомъ въ большинствѣ случаевъ не носили на себѣ никакихъ указаній и объединеніе ихъ подъ одну общую, даже имѣющуюся опись, оригинальную или со-

ставленную въ свое время при пріемѣ коллекціи, являлось иногда дѣломъ тѣмъ болѣе невозможнымъ, что нельзя было нарушать слишкомъ порядка выставки предметовъ, въ виду посѣщенія музея публикой. Чтобы нѣсколько облегчить задачу, рѣшено было начать съ болѣе новыхъ поступленій, къ которымъ имѣлись съ одной стороны точныя описи, съ другой указанія хранителя Руссова и сторожа Саминова, въ бытность которыхъ эти коллекціи поступали. Коллекціи эти относятся къ періоду отъ 1878 до 1894 года, когда началась регистрація. За этотъ періодъ равно обогатились отдѣлы Океаніи и Африки. Обширныя, научно-составленныя коллекціи Финша (о-ва Тихаго океана), Миклухо-Маклая (Новая Гвинея), Голубъ (Южная Африка) и Юнкера (Центральная Африка) сразу пополнили и почти удвоили составъ описываемаго отдѣла Музея.

Эти-то крупныя коллекціи и были намѣчены первыми для регистраціи. Выдѣливъ, такимъ образомъ, почти половину всего имѣвшагося матеріала, приступили уже къ стариннымъ коллекціямъ. Цѣлый годъ ушелъ на то, чтобъ только оріентироваться во всемъ запутанномъ матеріалѣ, разрозненномъ по различнымъ шкафамъ и витринамъ, отнюдь не нарушая при этомъ выставки. Пришлось прибѣгнуть къ разноцвѣтнымъ билетикамъ, которые наклеивались съ одной стороны на предметъ, съ другой—на отдѣльную карточку, на которую наносился рисунокъ даннаго предмета и его описаніе. Коллекція должна была подбираться уже по этимъ карточкамъ. Цѣлый годъ такой кропотливой работы подвинулъ, однако, регистрацію очень мало впередъ. И кто знаетъ, когда и какъ она была бы закончена, если бы не подоспѣло переустройство всего Музея, давшее возможность вынуть весь матеріалъ изъ шкафовъ и разсортировать его. Подборъ предметовъ по однороднымъ номеркамъ или по сходству

почерка на этикеткахъ, а тамъ, гдѣ на самомъ предметѣ никакого знака не имѣлось — архивъ и литературные

источники — сдѣлали возможнымъ закончить всю регистрацію въ одну зиму. За исключеніемъ небольшого числа оставшихся невыясненными предметовъ, весь остальной матеріалъ былъ точно опредѣленъ и, такимъ образомъ, спасенъ для науки.

Остановившись нѣсколько подробнѣе на регистраціи коллекцій, такъ какъ это одинъ изъ знаменательныхъ моментовъ въ исторіи описываемыхъ отдѣловъ, мы перейдемъ теперь къ пріобрѣтеніямъ послѣдняго времени.

Съ 1894 года поступило нѣсколько выдающихся коллекцій, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ полученная въ 1894 г. коллекція Георга Мейсснера, рисующая въ научно подобранномъ этнографическомъ матеріалѣ бытъ каро-батаковъ на Суматрѣ. Коллекція собиралась въ теченіе многихъ лѣтъ и обнимаетъ собою 379 предметовъ. Разнообразныя модели жилищъ даютъ намъ

понятіе о цѣломъ поселеніи; одежда, ткацкое производство, предметы домашняго обихода, охоты, рыбной ловли

и торговли дополняютъ картину. Духовная жизнь представлена въ музыкальныхъ инструментахъ, играхъ, письменахъ и особенно въ предметахъ религіи каро-батаковъ; культъ умершихъ, вѣрованія и предразсудки, кудесничество обрисованы всесторонне отчасти моделями, отчасти самими предметами: идолами, амулетами, священною утварью и символами кудесничества. По полнотѣ своей эта коллекція не имѣетъ себѣ равной среди коллекцій *Малайскаго архипелага.* Она была въ 1902, а затѣмъ въ 1904 гг. пополнена еще другимъ собирателемъ—Машмейеромъ, и составляетъ такимъ образомъ большую часть всего отдѣла Малайскаго архипелага.

Океанія, занявшая съ присоединеніемъ къ ней въ 1891 году коллекцій Финша, а въ 1886 г. и 1891 г. коллекцій Миклухо-Маклая, первое мѣсто въ описываемыхъ отдѣлахъ, продолжала обогащаться и за послѣднее двѣнадцатилѣтіе. Въ 1901 г. Новая Гвинея была пополнена коллекціями Машмейера и проф. Ганса Мейера, приславшаго въ 1902 г. также и коллекцію изъ 35 предметовъ съ Новой Зеландіи. Въ нынѣшнюю осень получены въ даръ отъ Е. И. Александера двѣ большія коллекціи съ о-въ Тонга и Самоа, коллекціи тѣмъ болѣе цѣнныя, что онѣ представляютъ послѣдіе остатки докультурной жизни населенія этихъ острововъ.

Коллекціи Океаніи расположены по тремъ главнымъ группамъ острововъ — Меланезіи, Микронезіи и Полинезіи, а въ предѣлахъ этихъ группъ — по отдѣльнымъ островамъ. Болѣе полно представлена *Новая Гвинея*, охватывающая весь бытъ папуасовъ, благодаря коллекціямъ Финша и особенно Миклухо-Маклая.

Въ *Микронезійской* группѣ хорошо представлены Каролинскіе острова, благодаря обширной и рѣдкой коллекціи Литке, которую удалось выдѣлить цѣликомъ изъ хаотическаго матеріала, какой представляли собою старинныя коллекціи Музея. Въ этой коллекціи особенно цѣнны по своей рѣдкости инструменты для татуировки. Острова *Полинезіи* представлены хотя и всѣ, но лишь отдѣльными предметами быта и культа. Полнѣе другихъ — *Новая Зеландія*. Съ *о-въ Пасхи* имѣется нѣсколько человѣческихъ фигуръ, рѣзанныхъ изъ дерева — unica; затѣмъ рѣдкія доски съ врѣзанными письменами. *О-ва Гервей* представлены нѣсколькими цѣнными церемоніальными жезлами, покрытыми тонкою сплошною рѣзьбою. Небольшая, но цѣнная коллекція Крузенштерна съ о-въ *Маркизскихъ* заключаетъ въ себѣ пару танцовальныхъ ходуль, представляющихъ большую рѣдкость. Тутъ же и древнѣйшая изъ коллекцій — коллекція капитана Кука. Рѣдкія по красотѣ мантіи и головные уборы изъ мелкихъ перышекъ съ *Сандвичевыхъ* о-въ и коллекція тапы, занимающая отдѣльный большой шкафъ, составляютъ гордость Музея.

Материкъ *Австраліи*, вплоть до 1905 г. былъ представленъ лишь немногими предметами, и только въ 1905 г. пополнился коллекціею г. Ященко, состоящей изъ 119 предметовъ.

Отдѣлъ *Африки* своимъ составомъ почти цѣликомъ обязанъ коллекціямъ, собраннымъ Юнкеромъ въ Центральной Африкѣ. За послѣднее двѣнадцатилѣтіе этотъ отдѣлъ пополнился южно-африканской коллекціей путе-

шественника Голубъ (въ 1894 г. — 77 предметовъ); двумя коллекціями Ліандера (въ 1895 г.—*Камерунъ*, въ 1900 г.—*Абессинія*); коллекціей Леонтьева (въ 1895 г.), собранной въ Абессиніи. Абессинскій отдѣлъ, впрочемъ, главнымъ образомъ представленъ коллекціями г. Гудзенко (212 предм. 1897 г.). *Килиманджаро* представлено коллекціей проф. Ганса Мейера (въ 1901 г.). Кромѣ того, коллекціи изъ Того, западнаго Судана и нѣкоторыхъ другихъ частей Африки получены путемъ обмѣна изъ Берлинскаго музея народовѣдѣнія. Обмѣнъ коллекціями установился и съ Лейпцигскимъ музеемъ Грасси, приславшимъ недавно до ста предметовъ изъ различныхъ частей Африки. Рѣдкая и цѣнная коллекція бронзовыхъ изображеній изъ раскопокъ Бенина въ числѣ 33 предметовъ въ 1900 г. подарена проф. Гансомъ Мейеромъ.

Благодаря завязавшимся сношеніямъ съ иностранными музеями, Африканскій отдѣлъ надѣется отнынѣ быстро расти путемъ обмѣна; это единственная часть всего музея еще не переполненная коллекціями и обезпеченная еще на нѣкоторое время мѣстомъ для выставленія предметовъ.

Антропологическій Отдѣлъ. Ко времени вступленія В. В. Радлова въ управленіе Музеемъ, положеніе этого Отдѣла представлялось въ слѣдующемъ видѣ. Изъ всѣхъ собраній выставлена была только коллекція уродовъ, все остальное — богатое собраніе череповъ, историческая коллекція анатомическихъ препаратовъ Рюйша и другіе объекты, за неимѣніемъ помѣщенія, хранились въ подвалахъ, совершенно недоступные ни для обозрѣнія, ни тѣмъ болѣе для научной работы. Вдобавокъ, совершенно отсутствовали регистры коллекцій, если не считать надписей на коробкахъ къ черепамъ, надписей мало надежныхъ, потому, что при неудовлетворительныхъ условіяхъ храненія череповъ, коробки легко перепутывались, и надписи

теряли всякое научное значеніе. Постепенно, и то съ большими трудностями, В. В. Радлову удалось отвоевать три комнаты для размѣщенія этого замѣчательнаго отдѣла бывшей Кунсткамеры, но предстояло еще немало труда и

основательнаго изученія для приведенія въ окончательный порядокъ череповъ, препаратовъ и уродовъ. Трудъ этотъ былъ порученъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1903 г. д-ру Ю. В. Лудевигу и теперь законченъ. Въ настоящее время состояніе Антропологическаго отдѣла представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Изъ *краніологической коллекціи* оказалось на лицо 1202 черепа. Вновь поступило къ 1-му декабря 1906 г. 135 череповъ; состоитъ на лицо 1337 череповъ и 128 черепныхъ слѣпковъ. Черепная коллекція находилась при пріемѣ въ довольно удовлетворительномъ видѣ; къ сожалѣнію, не оказалось никакого сколько-нибудь удовлетворительнаго списка къ ней; пришлось приступить къ точной регистраціи и составленію каталога, что̀ и было исполнено въ двухъ редакціяхъ. Пользовался краніологической коллекціей для научныхъ работъ покойный профессоръ Таренецкій для своего изслѣдованія объ алеутахъ, конягахъ и др. народахъ; кромѣ того, произведены черепныя измѣренія докторомъ Фридолиномъ, а именно измѣрено череповъ изъ коллекціи Миклухо-Маклая (папуасскія) 50, американцевъ 46, африканскихъ народовъ 29, бурятскихъ и калмыцкихъ 46—всего 171 черепъ. Результаты этихъ измѣреній опубликованы въ журналѣ Archiv für Anthropologie за 1898, 1890, 1891 и 1893 гг.

Изъ Рюйшевскихъ *препаратовъ* пришлось исключить, вслѣдствіе порчи и невозможности опредѣленія, 95 №№; остальные 1086 располагаются слѣдующимъ образомъ: препаратовъ кожи—122, мышцъ—49, мозга и нервовъ—176, органовъ чувствъ—112, сердца и легкихъ—66, желудка и кишекъ—129, костей—124, дѣтородныхъ частей мужскихъ и женскихъ — 164, зародышей и плодовъ человѣческихъ — 74, прочихъ различныхъ препаратовъ — 76, всего 1086 №№, за исключеніемъ 95, исключенныхъ изъ коллекціи.

Всѣ препараты были вновь промыты спиртомъ и положены въ свѣжую жидкость, а также снабжены новыми этикетами согласно діагнозу, такъ какъ прежнія надписи большею частью утеряны.

Цѣнная *тератологическая* коллекція съ рѣдкими экземплярами уродовъ найдена при пріемѣ, несмотря на дав-

ность поступленія, въ довольно удовлетворительномъ видѣ. Каталога, впрочемъ, не оказалось, и пришлось составить новый въ двухъ редакціяхъ: одинъ на нѣмецкомъ языкѣ, для предполагаемаго изданія описанія уродовъ академической коллекціи, другой краткій на русскомъ языкѣ. Всего было на лицо ко дню пріема 147 №№ человѣческихъ и 39 №№ животныхъ уродовъ. Вновь поступилъ одинъ уродъ человѣческій изъ Вильно (съ дефектами конечностей); изъ коллекціи уродовъ животныхъ пришлось, за совершенной негодностью, выбросить два экземпляра; новыхъ поступленій не было. Итого на лицо 148 человѣческихъ и 39 животныхъ уродовъ.

Для научныхъ работъ пользовались тератологической коллекціей Академіи Наукъ: проф. Шавловскій (СПБ.)—пятью экземплярами сростноногихъ для своей работы о Sympodia, и проф. Батуевъ (Одесса)—восемью экземплярами двухголовыхъ (Bicephali).

Кромѣ того, въ Отдѣлѣ нерѣдко работаютъ студенты, упражняясь въ краніологическихъ измѣреніяхъ.

Съ 1904 г. Отдѣлъ, приведенный въ порядокъ, оффиціально былъ открытъ для публики и посѣщается очень усердно, какъ спеціалистами, такъ и большой публикой.

Такимъ образомъ Отдѣлъ, которому лѣтъ 12 тому назадъ грозила полная гибель, въ настоящее время спасенъ для науки и поставленъ въ благопріятныя условія для дальнѣйшаго развитія. Конечно, съ ростомъ коллекцій снова выдвигается острый вопросъ о расширеніи помѣщенія, но основа положена, и все дальнѣйшее придетъ само собою.

Археологическій отдѣлъ, принужденный ютиться въ крошечной комнаткѣ, растетъ за послѣдніе годы не по днямъ, а по часамъ. Правда, онъ намѣчался еще и въ первыя времена существованія Кунсткамеры, но сборы шли безъ системы. Такъ, археологическіе предметы передавались

частями въ Эрмитажъ, а съ момента упраздненія академическаго музея по классической археологіи, они перешли туда (1894 г.) почти цѣликомъ. Изъ прежнихъ предметовъ сохранились до настоящаго времени только длинный мечъ, найденный въ землѣ близь Або и извѣстный долго у народа подъ названіемъ меча Ильи Муромца, персидское мѣдное пушечное ядро, ударившее въ русскій корабль на Каспійскомъ морѣ, во время персидскаго похода, и татарскій „скипетръ изъ зуба нарвала“ съ серебрянымъ набалдашникомъ. Изъ коллекцій по доисторической археологіи въ 1863 г. поступили: богатая коллекція каменныхъ неолитическихъ орудій изъ Олонецкой губ. отъ ген. Бутенева, въ 1870 г. отъ Гюнтера, въ 1866 г. отъ Пфейфера коллекціи съ устьевъ Амура, затѣмъ коллекціи бронзы, собранной Кастреномъ въ 1849 г. въ З. Сибири, А. фонъ-Шренкомъ въ 1856 г. (З. Сибирь), ген. Бекманомъ въ 1864 г. (З. Сибирь), Титовымъ (1864—65 г.), Кеппеномъ въ 1875 г. (Крымъ) и богатыя коллекціи изъ раскопокъ Сарая (въ 1860 г.). Изъ з.-европейскихъ странъ получены: древности бронзоваго вѣка изъ В. Пруссіи (1848 и 1862 г.), коллекціи (кьеккенмединги) датскаго археолога Ворсэ (1863 г.), коллекціи изъ швейцарскихъ свайныхъ построекъ, коллекціи Лартэ изъ французскаго палеолита и т. д. Какъ и въ большинствѣ этнографическихъ коллекцій, рука регистратора не касалась археологическаго отдѣла, поэтому то первой заботой В. В. Радлова было снабдить каждый предметъ своимъ „паспортомъ“, какъ онъ выражался. Регистрація этого отдѣла, который особенно сильно растетъ съ 1894 года, начата и ведется съ возможной интенсивностью. Интересуясь лично сибирскими древностями, В. В. Радловъ озаботился обогащеніемъ этого отдѣла: при немъ поступили богатыя коллекціи Островскихъ, Савенкова и др. Особенно же выросъ отдѣлъ неолити-

ческій. Громадныя коллекціи Полякова (поступили въ 1878 г.) съ верховьевъ Оки и изъ Воронежской губ. были впервые зарегистрированы Н. М. Могилянскимъ. Далѣе въ 1903 г. поступила коллекція Сеттонъ Карра изъ З. Египта, въ 1905—6 гг. громаднѣйшая по объему коллекція изъ раскопокъ В. П. Каменскаго близь г. Балахны (до 100,000 черепковъ и каменныхъ орудій), раскопки Муранскаго кургана (изъ Симбирской губ.), раскопки В. И. Анучина близъ Красноярска; коллекціи изъ раскопокъ въ Мервскомъ оазисѣ проф. Пумпелли и д-ра Шмидта, раскопки С. М. Дудина изъ Туркестана, проф. П. В. Бартольда оттуда же и др. Всѣ эти поступленія дали такой громадный приростъ матеріала, что приходится все настойчивѣе и энергичнѣе требовать новаго, болѣе обширнаго помѣщенія [1]). Для пополненія отдѣла и достиженія наибольшей разносторонности коллекцій, необходимыхъ для сравнительно археологической классификаціи, директоръ рѣшилъ завязать постоянныя научныя сношенія съ И. Археологической Коммиссіей и съ музеями З. Европы. Предложено вступить въ обмѣнъ изданіями и коллекціями съ музеями Вѣны, Копенгагена, Парижа, Рима, Мюнхена и т. д. Такимъ образомъ, музей получитъ возможность пріобрѣсти тотъ сравнительный матеріалъ, въ которомъ онъ такъ нуждается для установленія болѣе научной систематизаціи археологическаго матеріала Россіи.

---

1) Къ концу 1906 г. было сдѣлано, наконецъ, постановленіе о переводѣ Антропологическаго и Археологическаго отдѣловъ изъ ихъ теперешняго помѣщенія въ Главное зданіе Академіи.

Библіотека.

Основаніе библіотекѣ было положено передачей въ Музей 19 томовъ сочиненія подъ заглавіемъ: „Allgemeine Historie der Reisen zu Wasser und zu Lande oder Sammlung aller Reisebeschreibungen, welche bis itzo in verschiedenen Sprachen von allen Völkern herausgegeben worden" 1747—1771. Когда и кѣмъ переданы эти книги — неизвѣстно. До 1894 библіотека не пополнялась, но, когда Музей былъ переведенъ въ новое помѣщеніе, въ уголкѣ одной изъ залъ пріютился шкафъ съ кучкой книгъ, среди которыхъ, кромѣ названнаго нѣмецкаго сочиненія, было нѣсколько номеровъ академическаго изданія: Mélanges Russes, и Mélanges Asiatiques, и пріобрѣтенные Музеемъ: энциклопедическій, географ.-статистическій словари и нѣсколько книгъ по этнографіи и антропологіи. Въ 1902 г., при первой возможности, директоръ Музея, В. В. Радловъ далъ библіотекѣ помѣщеніе въ двухъ рабочихъ комнатахъ, книги были зарегистрированы и переплетены.

Съ этого времени начинается быстрый ростъ библіотеки, благодаря массѣ книгъ и журналовъ, пожертвованныхъ сразу В. В. Радловымъ и продолжающихъ поступать отъ него въ даръ ежегодно; среди нихъ есть очень рѣдкіе и цѣнные въ научномъ отношеніи книги и журналы по антропологіи, археологіи, лингвистикѣ, географіи и этнологіи на русскомъ, чешскомъ, польскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, венгер-

скомъ и итальянскомъ языкѣ. Въ 1903 году библіотека пополнилась книгами, купленными за 140 рублей отъ К. К. Гильзена; коллекція эта, состоящая изъ 250 книгъ и журналовъ по антропологіи и этнографіи, русскихъ и иностранныхъ, содержитъ еще нѣсколько атласовъ съ рисунками и очень цѣнныя старинныя путешествія. Въ этомъ же году Музей вступилъ въ обмѣнъ изданіями со всѣми Отдѣлами Имп. Географическаго Общества, съ Имп. Обществомъ Любителей Естествознанія Антропологіи и Этнографіи въ Москвѣ и съ иностранными Музеями Европы и Америки. Нѣкоторыя русскія и иностранныя ученыя учрежденія прислали свои изданія не только за текущій годъ, но и за предыдущіе года: такъ Имп. Общество Любителей Естествознанія и Антропологіи прислало журналъ „Этнографическое Обозрѣніе“ за 15 лѣтъ, „Русскій Антропологическій Журналъ“ за 5 лѣтъ, Smithsonian Institution—всѣ свои отчеты съ 1901 года, Peabody Museum—свои изданія съ 1901 года. Весь персоналъ Музея способствовалъ росту библіотеки, и, благодаря ему, она обогатилась журналами, какъ русскими, такъ и иностранными. Всецѣло обязанная своимъ возникновеніемъ и постояннымъ ростомъ В. В. Радлову, библіотека можетъ надѣяться на свое пополненіе и въ будущемъ, такъ какъ у нея установились уже прочныя сношенія съ русскими и иностранными учеными учрежденіями. Въ 1906 году она обмѣнивалась изданіями съ слѣд. обществами и музеями; въ Россіи 1) съ Имп. Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи въ Москвѣ; 2) со всѣми Отдѣлами Имп. Географическаго Общества въ Россіи Европейской, Сибири и Туркестанѣ, 3) съ Пермскимъ Музеемъ, 4) Кавказскимъ Музеемъ, 5) Оренбургской ученой Архивной Комиссіей, 6) Минусинскимъ музеемъ. Въ зап. Европѣ: съ 7) Науковe Товаріствомъ імени Шевченка во Львовѣ, 8) Вен-

герскимъ національнымъ Музеемъ, 9) Лейденскимъ Музеемъ, 10) Ливерпульскимъ Музеемъ, 11) Musée d'Histoire Naturelle въ Парижѣ; въ Америкѣ: съ 12) Field Columbian Museum (Чикаго), 13) Peabody Museum (Кэмбриджъ, Массачузетсъ), 14) American Museum of Natural History (Нью-Іоркъ), 15) Smithsonian Institution (Вашингтонъ), 16) University of California (Берклэй), 17) Phillip's Academy (Андоверъ, Массачузетсъ), 18) Le monde Oriental (Упсала).

Въ декабрѣ 1906 г. въ библіотекѣ было 1608 томовъ книгъ и журналовъ и 162 брошюры.

Л. Штернбергъ, Б. Адлеръ, Е. Петри,

Е. Романова,

С. Ольденбургъ,

Ю. Людевигъ.

Объясненіе къ рисункамъ.

Большая часть фотографій исполнена художникомъ М. С. Дудинымъ.

Оглавленіе.

